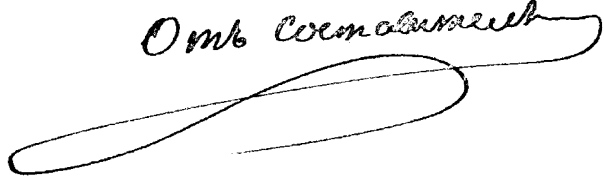
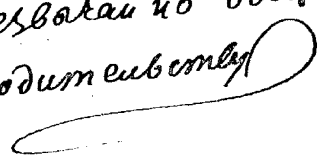
Его Превосходительству
Матвѣю Алексѣевичу
Гамазову
5 марта 1883.

Отъ составителя



Въ благодарность за присылку
турецкаго вѣчнаго календаря,
чѣмъ я чрезвычайно обязанъ
Его Превосходительству



НОВЫЙ ОПЫТЪ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАГО ИЗЛОЖЕНІЯ

СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Д. Прозоровскаго.

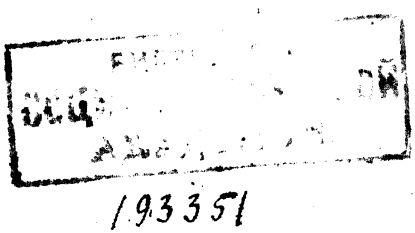
БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1881.

ГРОЗНЫЙ

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь *И. Помяловскій.*



193351

Исторія Слова о полку Игоревѣ, со времени открытія его Мусинымъ-Пушкинымъ, такъ хорошо извѣстна, что повторять ее теперь нѣтъ никакой надобности. Оно выдержало множество изданій въ различныхъ переложеніяхъ, прозаическихъ и стихотворныхъ; оно не разъ подвергалось ученымъ изслѣдованіямъ, но за всѣмъ тѣмъ остается полузагадочнымъ во многихъ отношеніяхъ. Всякій читатель убѣжденъ, что оно не дошло до насъ въ первоначальномъ своемъ составѣ, но до послѣдней крайности испорчено переписчиками и — главное — утратою многихъ мѣстъ. Дѣйствительно, это прекрасное произведеніе въ теперешнемъ его видѣ представляетъ какой-то странный сборъ отрывковъ и безсмысленныхъ выраженій.

Обширныя изслѣдованія князя П. П. Вяземскаго о Словѣ навели его на мысль — выправить этотъ памятникъ перестановкою нѣкоторыхъ мѣстъ, а также перемѣною нѣкоторыхъ выраженій. Исправленный такимъ образомъ текстъ изданъ имъ въ изслѣдованіяхъ о варіантахъ Слова. Мысль эта совершенно вѣрна въ ея основаніи, но приложеніе ея къ дѣлу вышло не совсѣмъ удачно, потому что князь Вяземскій смотрѣлъ на Слово исключительно съ литературной точки зрѣнія, тогда какъ оно требуетъ пересмотра въ историческомъ отношеніи. Возстановленіе Слова вполнѣ зависитъ отъ приведенія его изложенія въ историческую послѣдовательность, отъ которой зависитъ и литературная стройность сочиненія. По приведеніи этого памятника въ такой порядокъ, становятся понятными почти всѣ мѣста, считавшіяся трудно объяснимыми.

Много лѣтъ вчитывался я въ Слово о полку Игоревѣ и долго не могъ понять, отъ чего оно, при всей красотѣ, кажется путаницею, а не стройнымъ сочиненіемъ. Наконецъ мнѣ пришло на мысль сопоставить его съ лѣтописью и упомянутыя въ немъ событія подвести подъ условія лѣтописнаго повѣствованія. Тогда тайна разоблачилась, и я получилъ строго послѣдовательное, исторически полное и во всѣхъ частяхъ органически сливающееся повѣствованіе. Представляя на судъ ученыхъ мой трудъ, считаю обязанностью дать подробный отчетъ о томъ, какъ я понимаю составъ Слова и нѣкоторыя его частности.

Писатель Слова предпринимаетъ начать свои разсказы „старыми словесы“. Издатели думаютъ, что это выраженіе значитъ: древнимъ языкомъ, слогомъ, старымъ складомъ, старыми словами, по старинному и проч. Но все это едва ли вѣрно, потому что сочинитель писалъ свое произведеніе для своихъ современниковъ, слѣдовательно, долженъ былъ писать не по старинному, а слогомъ, складомъ, языкомъ, словами своего времени. Въ этомъ отношеніи положеніе писателя Слова нисколько не отличалось отъ положенія нынѣшняго писателя, который никакъ не рѣшится излагать свое сочиненіе слогомъ, складомъ, языкомъ, словами половины XVIII вѣка; иначе такое сочиненіе по меньшей мѣрѣ было бы забавно, такъ какъ писать для современниковъ по старинному нѣтъ никакой надобности; хотя же нѣкогда была у насъ замашка на стихотворныя подражанія старинѣ, однакожъ они были только отголоскомъ наклонности тогдашнихъ писателей къ вычурности и остаются памятниками безплоднаго труда. Наклонности къ подобной мелочной вычурности въ древнихъ писателяхъ мы не замѣчаемъ. Впрочемъ Слово написано по былинамъ, современнымъ его писателю, слѣдовательно, не по старинному, а въ формѣ этихъ былинъ: „начати же съ тѣи пѣсни по былинамъ сего времени“. Что касается реченія „словеса“, то надобно замѣтить, что оно вовсе не означаетъ ни слога или

склада рѣчи, ни языка, ни словъ = реченій, а значитъ изложеніе мыслей, данныхъ, фактовъ; такъ: словеса премудрости = наука, словеса лукавствія = заблужденія, словеса закона = повелѣнія закона, словеса пророчества книги = изложеніе, изъясненіе пророчества, книга словесъ юже написа Варухъ = пророчества, книга словесъ дней царей Іудиныхъ = исторія. Странно было бы понимать словеса во всѣхъ этихъ случаяхъ за слогъ, за складъ или за что-либо подобное. Въ виду такой практики, „старыя словеса“ представляются не тѣмъ, за что ихъ признавали. Дѣйствительно, и по смыслу изложенія Слова ихъ надобно понимать иначе, и вотъ почему: обѣщая начать повѣсть „старыми словесы“, писатель начинаетъ ее „отъ стараго Владиміра“, а изъ связи этихъ выраженій слѣдуетъ, что они опредѣляютъ одну и туже исходную точку разсказовъ, и что старыя словеса относятся именно до періода, начавшагося временами Владиміра; иначе сказать: разсказы объ этихъ временахъ основаны на старыхъ словесахъ, взяты изъ старыхъ словесъ, которыя по этому и должно признать подобными книгѣ словесъ дней царей Іудиныхъ. Итакъ, старыя словеса не что иное, какъ сказанія, записки, лѣтописи, вообще источники, изъ которыхъ писатель почерпалъ матеріалъ для разсказовъ о временахъ, предшествовавшихъ походу Игоря. Отсюда надлежитъ заключить, что настоящее изложеніе Слова должно представлять послѣдовательный рядъ историческихъ данныхъ и мыслей писателя. Смотря на Слово съ этой точки зрѣнія, нельзя не примѣтить, что изложеніе его значительно перепутано, вѣроятно, переплетами и переписками, и чтобы возстановить его въ первоначальный, или хотя въ близкій къ первоначальному, видъ, необходимо переставить нѣкоторыя его мѣста такъ, чтобы событія слѣдовали одно за другимъ правильно и по мысли писателя, а это указывается, какъ я уже сказалъ, сопоставленіемъ Слова съ лѣтописями, которыя отъ приступа прямо переводятъ читателя къ четвертой пѣсни по изданію Гербеля, начинающейся словами: „Были вѣчи Трояни“, потомъ къ срединѣ дѣвятой пѣсни: „На седмомъ вѣцѣ Трояни“, далѣе къ началу этой пѣсни: „Уже бо Сула“, наконецъ къ окончанію той же пѣсни: „О, стонати Руской земли!“

Такимъ образомъ составляется та часть Слова, которая почерпнута изъ старыхъ словесъ, и которая, будучи разбросана по разнымъ мѣстамъ сочиненія, кажется чѣмъ-то совсѣмъ постороннимъ, не имѣющимъ связи съ разсказами о походѣ Игоря, а между тѣмъ по духу изложенія видно, что она принадлежитъ къ составу Слова. Часть эта спутана и сама въ себѣ перестановками нѣкоторыхъ мѣстъ ея. Когда все это приведемъ въ надлежащій порядокъ, тогда увидимъ, что значатъ выраженія: „начати старыми словесы“, „начати же ся по нынѣшнимъ былинамъ, а не по замышленію Бояню“: старыя словеса источникъ, а нынѣшнія былины форма сочиненія.

Отношеніе старыхъ словесъ къ нынѣшнимъ былинамъ указываетъ, къ какому роду изящной словесности надобно причислять Слово о полку Игоревѣ. Писатель называетъ свое произведеніе: по источнику „повѣстями“, а по формѣ „пѣснями“, при чемъ оговаривается, что онъ не будетъ ихъ пѣть, какъ пѣлъ Боянъ свои пѣсни, создавая ихъ при посредствѣ музыки. По этому Слово есть повѣствовательная пѣснь, поэтическая повѣсть, по нашему — поэма. И поэтъ прежде всего сказалъ похвалу поэту же — Бояну, пѣвцу стараго времени, а за тѣмъ перешелъ къ повѣствованіямъ „отъ стараго Владиміра“.

Кто же этотъ старый Владиміръ? Слѣдуетъ ли вмѣстѣ съ большинствомъ издателей, признавать его за Владиміра Великаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находится въ самомъ Словѣ, гдѣ, кромѣ стараго Владиміра, упоминается еще Владиміръ, князь Черниговскій, признаваемый издателями поэмы за Владиміра Мономаха. Прежде всего надобно обратить вниманіе на то, что изъ періода отъ Владиміра Великаго до 1067 года въ поэмѣ ни о чемъ не упоминается, слѣдовательно и нѣтъ основанія усматривать въ ней указаніе на этого Владиміра, да и самыя событія 1067 года включены въ поэму только для примѣра, въ видѣ эпизода, который усиливаетъ характеристику начертанной поэтомъ картины предшествовавшаго Игорю періода. Затѣмъ дѣйствительный предѣлъ времени, съ котораго начинаются повѣствованія Слова, является, при соображеніи съ лѣтописями, самъ собою. Предѣлъ этотъ есть 1078 годъ, т. е. война, предпринятая

Олегомъ Святославичемъ противъ Всеволода Ярославича, овладѣвшаго Черниговомъ, куда послѣдній съ того же года посадилъ на княженіе сына своего Владиміра Мономаха. О событіяхъ, случившихся до этой войны, исключая означеннаго эпизода 1067 года, очень складно введеннаго въ повѣствованіе, въ Словѣ ничего не говорится, и весь прежній періодъ отъ Ярослава до Ольга очерченъ глухо, всего девятью словами: „были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъцы Олговы“. Хотя въ приступѣ и упомянуты имена стараго Ярослава, храбраго Мстислава, и краснаго Романа Святославича, но это сдѣлано единственно по поводу похвалы Бояну, ихъ воспѣвавшему. Слово не могло касаться до Владиміра Великаго потому, что цѣлью писателя было — начертать картину княжескихъ крамолъ ближайшаго къ Игореву походу періода, крамолъ, навед-шихъ на Русскую землю поганыхъ иноплеменниковъ, а не прославлять подвиги князей древняго періода. Въ силу этой цѣли онъ повелъ свои разсказы не отъ иного какого-либо Владиміра, а именно отъ временъ Владиміра Мономаха, котораго могли тогда называть старымъ сколько по отношенію его къ позднѣйшимъ Владимірамъ, столько же и по его личной старости: онъ умеръ 72 лѣтъ. Такому убѣжденію моему не противорѣчитъ и окончаніе разсказа о временахъ, предшествовавшихъ походу Игоря. Поэтъ говоритъ: „помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей, того стараго Владимира нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нъ роги нося имъ хоботы пашутъ“. А Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи были правнуки Владиміра Мономаха, почему стяги ихъ прадѣда должны были достаться имъ по наслѣдству, и поэтъ своею замѣткою указываетъ на то, что они, наслѣдовавъ силу своего предка, не наслѣдовали его достоинствъ. Относительно Владиміра Черниговскаго думаю, что онъ-то ужъ никакъ не Мономахъ. Разберемъ то мѣсто поэмы, гдѣ о немъ говорится: „Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святъславлича. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославъ сынъ Всеволожъ, а Владимиръ по вся утра

уши закладаше въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе". Но Владиміра Мономаха едвали можно укорить въ равнодушіи къ Олегу, потому что онъ сидѣлъ въ Черниговѣ съ 1078 года по волѣ отца и дѣйствовалъ не самостоятельно, а по смерти отца въ 1093 году отступился отъ Чернигова; поэтому закладывалъ уши кто-нибудь другой изъ Черниговскихъ князей, болѣе самостоятельный, чѣмъ Мономахъ. Если мы пристальнѣе всмотримся въ складъ выписаннаго изъ поэмы мѣста, то замѣтимъ, что все сказанное между словами: „въ градѣ Тмутороканѣ" и „Бориса же Вячеславлича" стоитъ не на своемъ мѣстѣ, потому что Бориса Вячеславича нельзя отрывать отъ Олега, такъ какъ онъ помогалъ послѣднему и сложилъ голову въ битвѣ, съ которой начинаются повѣствованія Слова. Видя въ Ярославѣ Всеволодовичѣ несовременность Олеговой войнѣ, издатели Слова переправляютъ его имя на имя Всеволода Ярославича; однакожъ историческій и логическій смыслъ отъ того не выигрываетъ: Всеволодъ самъ велъ весь процессъ борьбы съ Олегомъ и былъ въ ней главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, почему онъ слышалъ не гулъ событія, а распоряжался самымъ событіемъ; да и гулъ для него не былъ ни давнимъ, ни дальнимъ. Словомъ, все показываетъ, что означенная вставка относится къ другому мѣсту поэмы. Хотя она и могла бы быть пріурочена къ сказанію о Святополкѣ, унесшемъ тѣло отца своего съ поля битвы въ Кіевъ, къ святой Софіи, но мнѣ болѣе вѣроятнымъ кажется, что настоящее мѣсто, куда она слѣдуетъ, указывается выраженіемъ: „тоже звонъ", не имѣющимъ ни малѣйшаго отношенія къ сказанію объ Олегѣ. По всей видимости, вставка идетъ туда, гдѣ говорится о звонѣ, а звонъ упоминается далѣе, во вставочномъ разсказѣ о Всеславѣ Полоцкомъ, который, въ 1067 году безъ права, крамольнически сѣвъ на Кіевскій столъ, убѣжалъ отъ Кіевлянъ въ полночь и, по выраженію поэта, въ туже полночь успѣлъ перебѣжать до Тмуторокани, а между тѣмъ еще въ Кіевѣ слышалъ, какъ ему въ Полоцкѣ рано позвонили заутреню. Вотъ этотъ-то ироническій звонъ и слышалъ Ярославъ Всеволодовичь, но для него звонъ этотъ былъ уже давнишнимъ, изъ чего надобно заключить, что Ярославъ жилъ гораздо позднѣе Всеслава. То былъ, безъ всякаго сомнѣнія, Ярославъ Все-

володовичъ, князь Черниговскій, братъ Кіевскаго великаго князя Святослава Всеволодовича, упомянутаго въ поэмѣ, современникъ Игорева похода, ознаменовавшій себя участіемъ въ смутахъ, ухитрившійся однажды сдѣлать недѣйствительнымъ походъ князей на Половцевъ и слабо содѣйствовавшій Игорю въ его предпріятіи. Примѣненіе къ Ярославу давнишняго Полоцкаго укорительнаго звона либо означаетъ укоръ, либо намекаетъ на какой-нибудь случай изъ его жизни, казавшійся его современникамъ похожимъ на какой-нибудь случай изъ жизни Всеслава. Когда мы отнесемъ разбираемую вставку въ указанное мѣсто, тогда понятно будетъ: къ кому относится слѣдующее обращеніе поэта. „Ярославе, и вси внуце Всеславли! уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени! уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ: вы бо своими крамолами начасте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи!“ Такъ какъ изъ Полоцкихъ князей неизвѣстно ни одного Ярослава, въ обращеніи же онъ поставленъ какъ бы отдѣльно отъ внуковъ Всеслава, а изъ дальнѣйшей рѣчи, послѣ рѣзкихъ укоровъ, къ внукамъ Всеслава относятся только слова: „на жизнь Всеславлю“, т. е. на Полоцкое княжество, то ясно, что слова: „которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи“ относятся не къ нимъ, а къ Ярославу, потому что Полоцкіе князья, въ своихъ частныхъ распряхъ, обращались не къ Половцамъ, а къ Литвѣ; поэтому укоръ направленъ къ тому Ярославу Всеволодовичу, который нѣсколько выше слышалъ давнишній Полоцкій звонъ.—Отъ того же звона затыкалъ уши, конечно, не Владиміръ Мономахъ, которому, во время Всеславова княженія въ Кіевѣ, было только около 14 лѣтъ, а по всей видимости другой Владиміръ. Въ числѣ Черниговскихъ князей, бывшихъ послѣ Мономаха, исторія упоминаетъ только одного князя съ тѣмъ именемъ—Владиміра Давыдовича; князь этотъ помогалъ Всеволоду Ольговичу добыть Кіевъ, за что получилъ Черниговъ, и потомъ, отступившись отъ Ольговичей, держалъ сторону Всеволода, женился на Всеволодовнѣ, изъявлялъ покорность Юрію Владиміровичу и потерялъ жизнь, помогая послѣднему. Равнодушіе его къ преданіямъ рода Ольговичей и есть затыканіе ушей противъ давнишняго Полоцкаго звона, отозвав-

шагося нѣкогда на Кіевскую смуту; тутъ ощутительный намекъ на княженіе Юрія въ Кіевѣ [1])... Въ опроверженіе всего сказаннаго могутъ замѣтить, что въ первой части Слова писатель воспоминалъ старыхъ (пръвыхъ) князей, а такъ какъ Ярославъ Всеволодовичъ и Владиміръ Черниговскій пріурочены къ событіямъ XI вѣка, то и слѣдуетъ отсюда, что они жили именно тогда, т. е. за сто лѣтъ до писателя Слова, а потому Ярославъ Всеволодовичъ есть, какъ думаютъ толкователи, Всеволодъ Ярославичъ. Но уже одна переправка имени перваго изъ тѣхъ двухъ князей, не имѣющая историческаго смысла, показываетъ несостоятельность подобнаго возраженія, тѣмъ болѣе нетвердаго, что поэму нельзя попрекнуть ни одною ошибкою въ написаніи многочисленныхъ княжескихъ именъ, и что писатель не изъявлялъ намѣренія говорить о Всеволодѣ Ярославичѣ, а началъ повѣсти отъ стараго Владиміра. Если же поэтъ приписалъ имена означенныхъ двухъ князей къ случаю XI вѣка, то во первыхъ — онъ выставляетъ ихъ не какъ дѣятелей того вѣка, а только характеризуетъ ихъ положеніе; во вторыхъ — въ той части Слова, гдѣ повѣствуется о походѣ Игоря, для нихъ нѣтъ мѣста, потому что тонъ, которымъ о нихъ сказано, не подходитъ къ духу повѣствованія, а скорѣе сходится съ обличительнымъ духомъ разсказовъ о прежнихъ временахъ; впрочемъ въ очеркѣ XI вѣка упомянуты изъ XII вѣка не одни Ярославъ и Владиміръ, но еще Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи, о которыхъ писатель говоритъ въ концѣ очерка съ такою же иронією, какъ и о первыхъ двухъ; въ третьихъ — писатель помѣстилъ ихъ такъ, а не иначе по праву поэтической вольности, дозволившей ему въ другомъ мѣстѣ приписать къ случаю XII вѣка случай XI вѣка [2]): онъ писалъ не исторію, а поэму, въ которую почему-либо долженъ былъ включить Ярослава Всеволодовича и Владиміра Давыдовича, и вѣроятно, перваго какъ брата, а втораго какъ зятя великаго князя Святослава,

---

[1]) Можетъ быть, впрочемъ, что въ отношеніи къ Владиміру Давыдовичу полоцкій звонъ есть гулъ крамолъ, котораго Владиміръ не хотѣлъ слушать, дружа Мономаховичамъ.

[2]) Въ рѣчи, сказанной тихому Донцу возвращавшимся на Русь Игоремъ, указывается на погибель Ростислава Всеволодовича въ р. Стугнѣ.

высоко восхваленнаго поэтомъ, при чемъ не находя нужнымъ хвалить ихъ, онъ упомянулъ о нихъ съ большимъ тактомъ, съ легкою ироніею, съ осторожною двусмысленностью и даже съ соблюденіемъ степеней родства: братъ поставленъ выше зятя, хотя послѣдній княжилъ въ Черниговѣ прежде перваго; рѣзкій же укоръ Ярославу ловко прикрытъ внуками Всеслава. Можетъ быть, Святославъ питалъ особое расположеніе къ Владиміру, какъ къ приверженцу его отца, почему князя этого и нельзя было обойти.

Устраненіе одной неумѣстности переносомъ указанія на Ярослава и Владиміра къ Полоцкому звону, порождаетъ другую неумѣстность, или точнѣе — обнаруживаетъ такую неумѣстность, которая оставалась не замѣченною. Послѣ Полоцкаго звона, по прежнему изложенію Слова, слѣдуетъ замѣтка сочинителя: „аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ... суда Божіа не минути“. Перестановка означенныхъ князей совершенно отрываетъ эту замѣтку отъ сказаній о Всеславѣ и становитъ ее особнякомъ. Но она и прежде неимѣла нравственной связи съ тѣми сказаніями, а теперь является необходимость отыскать то мѣсто поэмы, куда она болѣе приличествуетъ. Ее признавали относящеюся къ Всеславу, однакожъ духъ ея выраженія далеко не сходится съ духомъ сказаній объ этомъ князѣ, о которомъ поэтъ вообще говоритъ насмѣшливо, тогда какъ по замѣткѣ можно заключить, что она направлена къ лицу, имѣвшему большій вѣсъ въ глазахъ поэта. „Вѣщая душа“ должна быть „въ тѣлѣ“ такого лица, которое подверглось суду Божію, на конечную же судьбу Всеслава въ поэмѣ не указывается, а между тѣмъ о Борисѣ Вячеславичѣ поэма именно говоритъ, что его „слава на судъ приведе“. Поэтому замѣтка скорѣе всего относится къ Борису Вячеславичу, Олегову сподвижнику, выказавшему въ себѣ характеръ предпріимчивый, рѣшительный и неуступчивый. По видимому, она дополняетъ сказаніе о Борисовой смерти, почему удобнымъ представляется перенести ее къ этому сказанію. Чрезъ такую перестановку все начало поэмы значительно выигрываетъ, пополняясь кстати сказанною замѣткою. Затѣмъ въ новомъ составѣ начало будетъ таково: „Были вѣчи Трояни, минула лѣта „Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святьславлича. Тъй бо Олегъ

мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тмуторокани. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на капину зелену паполому постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщій Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути". Отсюда очень легкій переходъ къ Святополку и потомъ къ характеристикѣ Олегова времини.

Есть въ Словѣ еще два мѣста, требующія перестановки. Въ восьмой пѣсни по изданію Гербеля, поэтъ приглашаетъ князей къ отмщенію за Игоря. Въ обращеніе къ князьямъ Роману и Мстиславу попали двѣ вставки: одна, раздѣленная на двое, представляетъ обращеніе къ одному лицу, а не къ двумъ, другая же касается несчастія Игорева и не вяжется съ воззваніями къ князьямъ. Не къ Роману и Мстиславу или къ другому кому изъ удѣльныхъ князей, упомянутыхъ въ восьмой пѣсни, а развѣ только къ Всеволоду, великому князю Суздальскому, относятся слѣдующія слова: „высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти... Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду"; затѣмъ поэтъ начинаетъ по-именно вызывать князей къ защитѣ земли Русской. Другая вставка помѣщена въ слѣдъ за похвалою оружію Романа и Мстислава: „нъ уже княже Игорю утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони, по Рси, по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плъку не крѣсити". По духу изложенія, вставка эта очень подходитъ къ тому мѣсту поэмы, гдѣ описывается впечатлѣніе, произведенное слухомъ о гибели Игорева ополченія. Въ началѣ этого мѣста находится тоже печальное причитаніе: „а Игорева храбраго плъку не крѣсити". Весьма прилично и окончить это мѣсто тѣмъ же причитаніемъ.

Вотъ все, что я долженъ былъ сказать относительно перестановокъ. При болѣе подробномъ пересмотрѣ Слова нашлись бы, можетъ быть, и другія мѣста, требующія перестановки, но я предоставляю другимъ изслѣдователямъ окончательное возстановленіе Слова, будучи

теперь убѣжденъ, что настоящій мой трудъ есть не болѣе какъ опытъ, нуждающійся въ строжайшей повѣркѣ.

Послѣ такихъ перестановокъ мы получаемъ въ первомъ отдѣлѣ Слова о полку Игоревѣ связное, сливающееся съ походомъ Игоря, повѣствованіе о старыхъ княжескихъ крамолахъ, бывшихъ причиною страданій, которыя выносила Русь отъ набѣговъ Половцевъ и другихъ иноплеменниковъ. Походъ Игоря является въ поэмѣ естественнымъ послѣдствіемъ столѣтнихъ связей и столкновеній съ Половцами, такъ что слово „тогда“, начинающее рѣчь объ Игорѣ, весьма правильно истекаетъ изъ указанія на бездѣйствіе Мономаховичей въ то время, когда „копія поютъ на Дунаи“. Отъ перестановокъ выигрываетъ не только внѣшній складъ Слова, но и его внутренняя сторона, не имѣвшая прежде нравственной цѣльности: теперь теченіе мыслей становится логически послѣдовательнымъ, поэтическія вдохновенія перестаютъ быть миражемъ, а общій идеалъ поэмы представляется во всей своей полнотѣ и цѣльности. По сочиненію видно, что поэтъ былъ человѣкъ весьма образованный, одаренный тонкимъ умомъ и изящнымъ вкусомъ. Высокій слогъ, какимъ написана поэма, и пріемы самаго изложенія показываютъ, что его произведеніе предназначалось не для народа, а для высшаго общества, преимущественно для князей, въ отношеніи къ которымъ поэма имѣетъ то характеръ сатиры, то характеръ похвалы. Отъ того-то можетъ быть, списки поэмы были не многочисленны и могли скоро утратиться въ слѣдствіе разныхъ случайностей въ судьбѣ княжескихъ и боярскихъ родовъ, особенно же во время татарскаго вліянія, почти уничтожившаго древнюю нашу образованность, видимую въ Словѣ о полку Игоревѣ, и поставившаго высшее общество на путь сухой формы и застоя. Оригинальность поэмы до такой степени очевидна, что нѣтъ никакой возможности прикрѣпить ея происхожденіе къ позднѣйшимъ временамъ, въ которыя уже не было ничего похожаго на идеи и пріемы Слова о полку Игоревѣ и отъ которыхъ до насъ дошли сочиненія, далеко неравныя этой поэмѣ.

Для облегченія повѣрки моихъ понятій о составѣ и складѣ Слова, я счелъ не лишнимъ переложить его на нынѣшнюю живую рѣчь, при чемъ старался держаться строгой точности. Мнѣ хотѣлось перело-

жить рѣчь въ рѣчь, но это не всегда удавалось въ слѣдствіе отличія древняго склада отъ нынѣшняго. Объ уваженіяхъ, по которымъ перелагаю такъ, а не иначе, даю отчетъ въ оправдательныхъ примѣчаніяхъ. Слова, поставленныя въ переложеніи для полноты и связи рѣчи, изображены курсивомъ. Кромѣ оправдательныхъ примѣчаній присовокупляю, подъ названіемъ Лѣтописи, примѣчанія историческія, состоящія большею частію изъ буквальныхъ выписокъ изъ лѣтописей. Примѣчанія эти мнѣ кажутся необходимыми для повѣрки историческаго изложенія Слова, которое, будучи поставлено рядомъ съ лѣтописями, перестаетъ нуждаться въ какихъ-либо розысканіяхъ по тѣмъ же лѣтописямъ, такъ какъ въ примѣчаніяхъ читатель имѣетъ передъ собою всѣ главныя данныя, нужныя для рѣшенія возникающихъ вопросовъ. Сопоставляя такимъ образомъ Слово съ его источниками, придемъ къ догадкѣ, что писатель лѣтописнаго извѣстія о походѣ Игоря и писатель Слова о полку Игоревѣ — близкіе современники, и что Слово написано, можетъ быть, прежде смерти Ярослава Галицкаго и даже прежде сватьбы Владиміра Игоревича, т. е. около 1187 года. Впрочемъ, что касается лѣтописной статьи о походѣ, или точнѣе о плѣнѣ Игоря, то она составлена уже послѣ сватьбы Владиміра, какъ доказываетъ это наименованіе въ ней Игоря сватомъ Кончаковымъ, каковымъ въ 1185 году онъ еще не былъ.

Особенныя формы языка, которымъ написано Слово о полку Игоревѣ, и поэтическій способъ выраженія, а также новость нѣкоторыхъ названій, послужили поводомъ къ недоумѣніямъ и произвели въ поэмѣ не мало темныхъ мѣстъ и загадочныхъ предметовъ. Таковы напримѣръ похвалы Бояну, — понимаемыя въ самомъ отвлеченномъ, философскомъ смыслѣ, указанія на Трояна, странное употребленіе слова „Дунай“, и т. д. Вчитываясь въ Слово, я пришелъ къ убѣжденію, что загадочность этихъ мѣстъ и предметовъ не безусловна; если употребить приличный дѣлу пріемъ, то она значительно ослабѣетъ, или

даже и со всѣмъ исчезнетъ. Я попробую изложить свой взглядъ на означенныя загадки, между которыми, въ порядкѣ изложенія Слова, первое мѣсто занимаетъ —

1) *Боянъ*. Изъ Слова видно, что онъ жилъ въ концѣ XI вѣка, и что въ концѣ XII вѣка творенія его были еще хорошо извѣстны. Писатель Слова представляетъ его великимъ музыкантомъ и поэтомъ. Боянъ игралъ на струнномъ инструментѣ, названіе котораго хотя и не упомянуто въ поэмѣ, но по характеристикѣ игры надобно заключать, что это были гусли; онъ воспѣвалъ подвиги князей, какъ древнихъ, такъ и ему современныхъ. Восторженность, съ какою писатель Слова говоритъ о немъ, позволяетъ предполагать въ его твореніяхъ высокое поэтическое достоинство; но самъ писатель, конечно, не слыхалъ его игры, а хвалитъ его основываясь на преданіи. Искусство Бояна представлено въ столь превосходныхъ уподобленіяхъ, что если оно дѣйствительно было таково, то нельзя не признать Бояна за геніальнаго человѣка. По словамъ поэмы, Боянъ, принимаясь за пѣснь, растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облака, и все это онъ дѣлалъ возложивъ свои вѣщіе персты на живыя струны, которыя уже сами князьямъ славу рокотали. Въ другомъ мѣстѣ поэмы игра Бояна характеризуется не менѣе художественно: хваля полки Игоревы, поэтъ взываетъ къ Бояну, соловью стараго времени: „абы ты сиа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу“. Въ растеканіи и скаканіи по древу перелагатели и толкователи Слова видятъ дебри и лѣса, по которымъ пѣвецъ будто бы носился мыслію, а также какое-то мысленное и даже родословное древо князей, которое онъ мысленно созерцалъ. Но едвали можно допустить, чтобы Боянъ, воспѣвая князей, получалъ вдохновенія изъ глуши дебрей и лѣсовъ; его скорѣе вдохновляли самые подвиги князей, и въ силу этого вдохновенія онъ воспѣвалъ ихъ, „летая умомъ подъ облаки“ (или „сизымъ орломъ подъ облаки“), „рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы“ (или „сѣрымъ волкомъ по земли“). Такъ какъ рысканіе Бояна въ тропу Трояню было умственное, подобное скаканію по мысленному древу и летанію умомъ подъ облака, то отсюда слѣдуетъ, что тропа эта есть не что иное, какъ риторическая

фигура, греч. τρόπος, представляющій въ видѣ тропы Трояновой игру словъ, въ которой Троянъ, образъ Славянской первобытности (см. ниже о Троянѣ), сочетается съ искусствомъ Бояна владѣть языкомъ. Здѣсь можно усматривать намекъ на то, что Бояна вдохновляло созерцаніе исконной славы его народа, а не глубина дебрей и лѣсовъ. Если бы писатель Слова имѣлъ въ виду лѣсъ, то и сказалъ бы, что Боянъ растекался мыслію по дебри, но сказалъ: „по древу“, что̀ и надобно понимать въ прямомъ смыслѣ древа; гдѣ нужно было сказать „дебрь“, тамъ такъ и сказано: „дебрь Кисаню“, а не древо Кисане. Относительно мысленнаго или родословнаго древа слѣдуетъ замѣтить, что мысленное древо имѣетъ значеніе не какъ пустая фантазія, а какъ мысленное уподобленіе одной вещи другой, и что писатель Слова вызывалъ Бояна изъ древности не для созерцанія родословія, а собственно для того, что бы онъ воспѣлъ полки Игоревы, „скача славію по мыслену древу“, и тѣмъ свилъ бы славы обѣихъ временъ: славу времени, имъ воспѣтаго, съ славою времени Игорева: „свивая славы оба полы сего времени“, что̀ однакоже поэтъ сдѣлалъ самъ, соединивъ въ поэмѣ времена Владиміра съ временами Игоря. Затѣмъ, когда мы поставимъ хвалебныя уподобленія послѣдовательно, то связь и смыслъ ихъ тотчасъ уяснятся. Такъ: писатель Слова представляетъ сперва музыкальную мысль Бояна въ видѣ растеканія по древу, рысканія по землѣ, взлетанія подъ облака; потомъ изображаетъ аллегорически самый процессъ игры въ образѣ десяти соколовъ и стада лебедей, и наконецъ объясняетъ эту аллегорію тѣмъ, что соколами обозначены пальцы, а лебедями струны. Въ виду этой аллегоріи скаканіе соловьемъ по мысленному древу становится понятно: какъ соловей порхаетъ съ вѣтки на вѣтку, такъ и пальцы Бояна перескакиваютъ со струны на струну, т. е. дѣлаютъ точно то же, что̀ и въ уподобленіи ихъ соколамъ, гоняющимся за стадомъ лебедей. Послѣ этого можно бы, кажется, признать, что выраженіемъ: „растѣкашеться мыслію по древу“ поэтъ указываетъ не на отвлеченныя умозрѣнія Бояна, а на одушевленность его игры, и что выраженіе это прямо относится къ инструменту, дѣлаемому изъ дерева, по которому и разливаются звуки игры. Съ своей стороны я совершенно убѣжденъ, что въ похвалахъ

Бояну не содержится никакихъ отвлеченныхъ и отдаленныхъ идей, которыя для Бояна были бы безполезны, да не возвышали бы его достоинства похвалъ, такъ какъ писатель Слова обладалъ высокимъ художественнымъ вкусомъ и потому не могъ унизиться до напыщенности: художественный вкусъ вообще не терпитъ изысканности и натяжки ему несвойственны.

2. *Троянъ*. Не входя въ препирательства съ толкователями Слова о полку Игоревѣ, признающими Трояна за римскаго императора Траяна, я изложу только свой взглядъ на этотъ вопросъ. Троянъ упоминается въ Словѣ четыре раза, въ томъ числѣ разъ въ связи съ Дажбогомъ. По тѣмъ чертамъ, въ какихъ Троянъ представляется, нельзя думать, чтобы это было лицо историческое. Правда, въ Словѣ указывается на Троянову хронологію, но эта-то именно хронологія и даетъ возможность узнать: что̀ такое разумѣлось подъ словомъ „Троянъ“? „Были вѣчи Трояни“ говоритъ писатель Слова и съ этимъ выраженіемъ сопоставляетъ другое выраженіе: „минула лѣта Ярославля“; слѣдовательно, поэты считали вѣка отъ Трояна, а годы отъ Ярослава, любителя и поощрителя образованности, которая, можно сказать, имъ началась въ Руси. Что такое были вѣка Трояновы, видно изъ другаго̀ мѣста Слова. „На седмомъ вѣцѣ Трояни „връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу“, т. е. о Кіевѣ, въ которомъ Всеславъ полоцкій сѣлъ на княженіе, не имѣя на то права. Хронологія эта вполнѣ объясняется двумя данными: въ 1144 году Новгородскій діаконъ Кирикъ написалъ „ученіе имъ же вѣдати человѣкомъ числа всѣхъ лѣтъ“; въ этомъ ученіи вѣкъ опредѣляется въ 1000 лѣтъ, да и послѣ считали такъ же, ожидая со страхомъ окончанія седьмаго вѣка. А такъ какъ Всеславъ посаженъ на Кіевскій столъ въ 6575 году, то выходитъ, что онъ бросилъ жребій о Кіевѣ именно на седьмомъ такомъ вѣкѣ отъ Сотворенія Міра. И такъ Трояновы вѣка, а потому и самъ Троянъ не имѣли по сущности ничего общаго съ императоромъ Траяномъ, но можетъ быть, что въ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ имена эти смѣшивались. По видимому, въ образѣ Трояна представлялось миѳическое повѣрье о заселеніи Славянами земель, ими занятыхъ, т. е. о сотвореніи Славян-

скаго міра. Самое слово „Троянъ“ весьма близко подходитъ къ слову „строить“, а чрезъ это сопоставленіе Троянъ является какъ бы строителемъ, творцомъ Славянскаго міра. Въ такомъ смыслѣ надлежитъ понимать то мѣсто поэмы, гдѣ писатель, по поводу гибели Игорева ополченія, говоритъ: „въстала обида въ силахъ Дажбожа внука, вступилъ дѣвою на землю Трояню“, т. е. постигло несчастіе силы Дажбожья внука, вступившаго дѣвою на землю Троянову. Дажбожьимъ внукомъ въ поэмѣ называется Русскій народъ; такъ слова: „тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшеться и растяшеть усобицами, „погибашеть жизнь Даждь-божа внука въ княжихъ крамолахъ, вѣци „человѣкомъ скратишась“, переложены въ одномъ рукописномъ Апостолѣ, писанномъ въ 1307 году для Псковскаго Пантелеймонова монастыря, по заказу игумена Зосимы, такимъ образомъ: „въ се же „лѣто бысть бои на Русьской земли, Михаилъ съ Юрьемъ о княженье „Новгородьское. При сихъ князехъ сѣящеться и растяше усобицами, „гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы, и вѣцы скратишася чело„вѣкомъ“ (опись Слав. рукоп. Моск. Синод. Биб., № 45, стр. 293). Здѣсь поэтическое: „жизнь Даждь-божа внука“ переложено въ прозаическое: „жизнь наша“, жизнь Русской земли. Вступленіе Даждьбожья внука на землю Трояню въ образѣ дѣвы я понимаю такъ, что онъ вступилъ какъ невѣста вступаетъ въ домъ своего жениха. По всей вѣроятности, поэтъ взялъ свое выраженіе изъ народнаго источника; можетъ быть нѣкогда существовало миѳическое повѣрье, въ которомъ Русь представлялась дѣвою, вышедшею за мужъ за Даждьбога, почему позднѣйшія поколѣнія и назывались Даждь-божьими внуками [1]). Изъ миѳа видно, что Троянъ приготовилъ землю, а Даждь-богъ заселилъ ее Русскимъ народомъ. Что касается тропы Трояновой, то она, вѣроятно, преобразовалась въ повѣрье изъ преданій о путяхъ, которыми Славяне разселялись. Надобно взглянуть

[1]) Миѳъ о Славянскомъ Даж-богѣ едвали имѣетъ связь съ находящимся въ Ипат. Лѣтописи разсказомъ о египетскомъ Сварогѣ и сынѣ его Солнцѣ, «егоже наричють Дажь-богъ» (П. С. л. II, стр. 5). Этотъ разсказъ показываетъ только то, что Дажь-богомъ славяне называли солнце, какъ силу оживляющую, оплодотворяющую.

на тропу Трояню еще съ другой стороны. Поэтъ говоритъ Бояну: „абы ты сия плъкы ущекоталъ...рища въ тропу Трояню чрезъ поля „на горы. Пѣти было пѣснь Игорю того внуку“. Напрасно въ словѣ: „того“ видѣли указаніе на Олега, дѣда Игорева; такое указаніе было бы противно всякимъ правиламъ словосочиненія, потому что вблизи Олегъ вовсе не упоминается. Изъ послѣдовательности рѣчи очень ясно видно, что поэтъ называетъ Игоря внукомъ Трояна, по тропѣ котораго Боянъ мыслѣнно рыскалъ, ища образовъ для выраженія славы князю и его войску. Названіе Игоря Трояновымъ внукомъ весьма знаменательно [1]), потому что оно, безъ всякаго сомнѣнія, приличествовало всѣмъ князьямъ. Отсюда можно вывести заключеніе, что Троянъ состоялъ въ такомъ же отношеніи къ Даждьбогу, въ какомъ внуки Трояновы, т. е. князья, состояли къ внуку Даждь-бога, т. е. къ народу. Такимъ образомъ, по Слову о полку Игоревѣ, Троянъ оказывается высшимъ строителемъ, а Даждь-богъ населителемъ Русской земли.

3. *Хръсъ*. Полоцкій князь Всеславъ „скочи отъ нихъ (отъ Кіев-„лянъ) лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда .... изъ Кіева до „рискаше до кюръ (куръ) Тмутороканя, великому Хръсови „влъкомъ путь прерыскаше“. Убѣжать изъ Кіева въ полночь и до пѣтуховъ (разумѣется до первыхъ) достичь Тмуторокани, значитъ— пробѣжать большое пространство въ нѣсколько мгновеній, и въ такомъ смыслѣ выраженіе: „великому Хръсови путь прерыскаше“ хотя можетъ означать быстроту Всеславова бѣга, но не можетъ относиться ни къ звѣрю, ни къ птицѣ, такъ какъ въ полночь эти животныя успокоиваются, а изъ нихъ полуночныя быстротою бѣга или полета не отличаются. Не вѣроподобнѣе ли будетъ заключить, что великій Хръсъ есть нѣчто небесное? Въ такомъ случаѣ можно допустить двоякое предположеніе: а) подъ именемъ Хръса не разумѣется ли

---

[1]) Въ поэмѣ слово «внукъ» употреблено не въ обыкновенномъ бытовомъ значеніи родства естественнаго, а въ смыслѣ характерномъ; такъ Боянъ названъ Велесовымъ внукомъ, вѣтры Стрибожьими внуками Въ обыкновенномъ смыслѣ упомянуты только внуки Всеславли, да и то оно здѣсь имѣетъ особый колоритъ.

какое-либо созвѣздіе, которымъ Всеславъ руководился въ пути, подобно тому, какъ поселяне, бродя по лѣсамъ, ночною порою, руководятся звѣздами и по нимъ отъискиваютъ выходъ изъ лѣса? — б) если не такъ, то названіе великаго Хръса не можетъ ли быть примѣнено къ млечному пути, который въ поэтическомъ смыслѣ также могъ быть путеводителемъ Всеслава въ бѣгствѣ? Народъ дѣйствительно считаетъ млечный путь за какого-то указателя. Такъ послѣ нашествія Татаръ явилось въ народѣ повѣрье, что по указанію млечнаго пути Батый пришелъ къ Кіеву, съ чего и стали называть этотъ путь Батыевою дорогою (Маякъ, 1843, т. 9, смѣсь, стр. 10). Не назывался ли тотъ путь до Батыя путемъ великаго Хръса или прямо великимъ Хръсомъ? Любопытно бы знать: не остается ли этотъ Хръсъ въ повѣрьяхъ Славянъ до сихъ поръ? Конечно, я не могу стоять за вѣрность своихъ предположеній, которымъ могутъ быть противопоставлены другія болѣе вѣскія предположенія; но во всякомъ случаѣ я убѣжденъ, что великій Хръсъ есть нѣчто отличное отъ божества Хорса (по Нестору Хърса), такъ какъ неизвѣстно: былъ ли Хорсъ божествомъ быстроты движенія въ полночь и могъ ли Всеславъ прерыскать его путь. Равнымъ образомъ нѣтъ основанія полагать, что подъ названіемъ великаго Хръса разумѣется небесный кругъ = хоросъ, потому что едвали можно сказать въ переводѣ: прерыскалъ путь небеснаго круга. Если уже необходимо допустить происхожденіе слова „Хръсъ“ отъ „Хоросъ“, то оно могло быть принято въ значеніи не круга небеснаго вообще, а въ значеніи какой-либо частности, знаменующей полночь.

4) *Сула*. „Уже бо Сула не течетъ серебреными струями ко граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ“. На бѣглый взглядъ мѣсто это кажется неяснымъ и какъ-будто намекающимъ, что Переяславль когда-то стоялъ на Сулѣ, чего никогда не было: Сула, вытекая изъ Лебедянскаго уѣзда Харьковской губерніи, впадаетъ въ Днѣпръ въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, въ дальнемъ разстояніи отъ Переяславля. Но внимательное разсмотрѣніе означенной выписки обнаруживаетъ истинный смыслъ ея. По связи рѣчи видно, что поэтъ сопоставилъ

положеніе двухъ окраинъ Руси и показываетъ, что какъ Сула, такъ и Двина текутъ подъ кликами поганыхъ; слѣдовательно, подъ первою разумѣются Половцы, раззорявшіе Посулье, а подъ второю Литва, напиравшая на Западно-Русскія княжества. Поэтическое теченіе Сулы къ Переяславлю объясняется тѣмъ, что Посулье принадлежало Переяславскому княжеству, и что Сула направляется изъ своего истока въ сторону Переяславля; отрицаніе же теченія относится къ струямъ и значитъ, что подъ кликами поганыхъ Сула не течетъ болѣе „серебреными", т. е. веселыми, чистыми, ясными струями, но уподобляется Двинѣ, которая, подъ кликами другихъ поганыхъ, течетъ болотомъ. Дѣйствительно, Западная Двина вытекаетъ изъ Тверскихъ болотъ, и это обстоятельство послужило поэту поводомъ къ игрѣ словъ. Итакъ Сулою и Двиною характеризуя двѣ окраины Руси, поэтъ далѣе выставляетъ на видъ, что на одной изъ окраинъ рѣшился мстить за Русскую землю только Изяславъ Васильковичъ, а на другой только Игорь Святославичъ, прославленію котораго и посвящена поэма.

5) *Дунай.* Во всемъ Словѣ о полку Игоревѣ нѣтъ признаковъ, по которымъ можно было бы заключать, что подъ именемъ Дуная разумѣется знаменитая рѣка этого имени, нѣкогда привлекавшая къ себѣ Святослава. Дунай упоминается въ Словѣ пять разъ, и вездѣ въ особенномъ, но единозначущемъ смыслѣ. Такъ, когда Рюрикъ и Давыдъ, имѣя рога, только машутъ хвостами, въ то время „копія поютъ на Дунаи". Казалось бы, какое дѣло этимъ князьямъ до Дуная, но между тѣмъ имъ ставится въ вину безучастность ихъ отношенія къ тревогамъ на Дунаѣ. Галицкій князь Ярославъ заступаетъ королю путь, затворяетъ Дунаю ворота, суды рядитъ до Дуная. Но власть Галицкаго князя не простиралась до Дуная. Ярославна, оплакивая отсутствіе своего мужа, причитаетъ: „полечю зегзицею по Дунаю, омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ", а изъ Путивля, гдѣ находилась Ярославна, летѣть по Дунаю на Каялу казалось бы дѣломъ невозможнымъ. Игорь возвращается съ Дона въ Русскую землю, а „дѣвици поютъ на Дунаѣ, вьются голоси черезъ море до Кіева", тогда какъ Дунайскія дѣвицы едвали могли знать, что̀ дѣлаетъ Игорь на Дону и какъ онъ возвращается въ Русь. Очевидно, во всѣхъ этихъ

случаяхъ Дунай есть поэтическое представленіе южной Руси, которую Рюрикъ и Давыдъ не умѣли защитить, ворота къ которой затворилъ для враговъ Ярославъ Галицкій, простиравшій свою власть до ея предѣловъ, черезъ которую Ярославна хотѣла полетѣть на Каялу и въ которой дѣвицы встрѣтили возвратившагося Игоря и радостными пѣснями провожали его до Кіева. По всей вѣроятности, въ древней Руси существовалъ миѳъ Дуная, въ связи съ повѣрьями о Троянѣ, Даждьбогѣ и проч. Осколокъ этого миѳа до сихъ поръ существуетъ въ видѣ безсознательнаго припѣва къ нѣкоторымъ пѣснямъ. Замѣчательно, что въ древности Славяне называли Дунаемъ райскую рѣку Фисонъ, о которой въ одной Сербской рукописи 1263 года замѣчено: „его же нынѣ мѣнять Дунава суща“ (Опис. Слав. рукоп. Моск. Синод. Библ., № 54, стр. 15), что̀ болѣе опредѣлительно объяснено въ рукописи 1512 года: „Ѳисонъ, по нашему писанью елиньскы устросъ римьскый же данувиосъ, блъгарьскый же *Дунава* именуема“ (тамъ же, № 129, стр. 151).

6. *Кощей.* Слово это находится въ лѣтописи. Такъ, когда убійцы пришли къ в. к. Андрею Боголюбскому, то, по словамъ новгородской лѣтописи, при немъ находился „кощей малъ“, т. е. кощей мальчикъ. По употребленію этого названія въ Словѣ о полку Игоревѣ видно, что кощей былъ самое послѣднее между людьми существо. Титломъ „поганаго кощея“ честили Половецкаго князя. Кощей цѣнился дешевле чаги: „а бы ты (Всеволодъ) былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ“, т. е. два съ половиною кощея стоили одной чаги[1]). По этой оцѣнкѣ можно заключать, что кощеями называли родъ невольниковъ, почему, когда Игорь попалъ въ плѣнъ, то это значило, что онъ „высѣдѣ изъ сѣдла злата а въ сѣдло кощіево“, т. е. потерялъ свободу. Кощей былъ не только невольникъ, но и поганый, презрѣнный, и по всей вѣроятности отъ него произошло

[1]) Въ рукописномъ лечебникѣ, XVII вѣка, принадлежащемъ Императорскому Археологическому Обществу, слово *Чага* упоминается не разъ, но въ иномъ смыслѣ: «чага березовая парити отъ того же удушья», «чагу березовую истолкши мѣлко, давати пить». Въ Словѣ о полку Игоревѣ подъ словомъ «чага» не разумѣется ли какая-либо одежда?

слово „кощунъ“, которое, по объясненію треязычнаго лексикона, значитъ „франтъ, скомрахъ“. Въ Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1262 годомъ, сказано объ отступникѣ Изосимѣ: „бѣ бо пьяница, и студословець, празднословець, и *кощюньникъ*“ (П. С. Лѣт. I, 204); слѣдовательно, „кощуны“ издревле представляли одинъ изъ видовъ разврата, что̀ совершенно соотвѣтствуетъ названію *поганый кощей*. Въ изборникѣ Святославовомъ, 1073 года, словомъ коштѫна переведены греческія слова μῦθος и λῆρος = басня, вздоръ (Опис. Слав. рукопис. Москов. Синод. Библ. № 161, стр. 400). Въ шестодневѣ Іоанна, екз. Болгарскаго, 1263 года, слово коцюны соотвѣтствуетъ греческому μυθολογήματα (тамъ же № 54, стр. 23). Въ рукоп. XVI вѣка выраженіе διὰ μυθικῆ πλάσματος передано словами: „кощѭнным образомъ“, т. е. баснословною выдумкою (тамъ же № 110, стр. 28). И такъ кощунство, въ древнемъ смыслѣ, означало пустяки, ложь, обманъ, бездѣльничество. Нынѣ кощеемъ называютъ человѣка исхудалаго, но не больнаго; корень этого слова имѣлъ тотъ же смыслъ и въ древности: „сухъ бѣ и *кощь* и скудобрадъ лицемъ“ (тамъ же № 1—3, стр. 112).

7. „Рекъ Боянъ *иходы* на Святославля Ярославича пѣснь-творца стараго времени, Олгова коганя хота“ [1]). Если реченіе „иходы“ принимать за русское, то оно непонятно и странная форма его даетъ поводъ признать его за порчу какого-либо правильнаго слова; только по общей связи рѣчи можно дать слову „иходы“ кое-какой приблизительный смыслъ. Но всего вѣроятнѣе, что слово это не русское, а скорѣе греческое, и въ такомъ случаѣ надобно разсматривать его двояко: 1) какъ сложное, образованное русскимъ грамотникомъ изъ словъ ἦχος = звукъ и ᾠδή = пѣснь; примѣры подобнаго русскаго сложенія извѣстны: такъ въ Святославовомъ договорѣ съ греками находится необыкновенное слово „пинехруса“, а въ приписи на Мстиславовомъ Евангеліи Наславъ помѣстилъ тоже необычайное слово

[1]) Въ печатн. «Рекъ Боянъ иходы на Святъславля пѣсьтворца стараго времени Ярославля Олгова коганя хоти». Тутъ видимая путаница въ словахъ, которую я и пытаюсь исправить.

„химпетъ“; 2) какъ простое, взятое съ греческаго цѣликомъ: ἠχώδης = громкій, звучный, отдающійся; это слово болѣе подходитъ къ слову „иходы“. Въ обоихъ случаяхъ непонятность слова „иходы“ изчезаетъ: поэтъ хотѣлъ указать на изреченіе Бояна, выраженное пѣніемъ, въ пѣсни. Есть въ Словѣ о полку Игоревѣ другое изреченіе Бояна, которое названо „припѣвкою“, а слово „иходы“ въ русской рѣчи поэмы и употреблено именно въ значеніи припѣвки.—Напрасно въ словѣ „коганя“ видятъ пѣвца Когана: это просто титулъ Олега по княженію его въ Тмутороканѣ; въ словѣ же „хоти“ я вижу ошибку и читаю: „хота“, разумѣя подъ этою формою Олегова любимца. Слово „хотъ“ было даже собственнымъ именемъ: такъ въ 1195 году упоминается въ лѣтописяхъ Хотъ Григорьевичь, намѣстникъ князя Ярослава Всеволодовича (Полн. Собр. Лѣт. Т. V, стр. 70), въ 1228 году былъ новгородецъ Хотъ Станимировичъ, а въ 1271 году новгородецъ же Ѳедоръ Хотовичъ (тамъ же Т. III, стр. 44 и 62). Собственное имя, безъ сомнѣнія, произведено отъ нарицательнаго, которое я и вижу въ Словѣ о полку Игоревѣ. Что касается находящихся въ выпискѣ словъ „Святославля“, „Ярославля“, то они вовсе не относятся ни къ Святославу Всеволодовичу, дѣйствовавшему послѣ Олега черезъ сто лѣтъ, ни къ какому-либо Ярославу. Нѣтъ основанія утверждать, что Святославовъ пѣснотворецъ воспѣвалъ только одно старое время — Ярославово, такъ какъ пѣвцы не ограничивались прославленіемъ одного князя, но славили героевъ стараго времени вообще. Дѣло въ томъ, что слово „Ярославля“ вовсе нейдетъ къ „пѣсньтворцу стараго времени“. По всей видимости, въ какомъ-нибудь спискѣ одна строка оканчивалась словомъ „Святъславля“, а другая словомъ „времени“, между строками же было приписано пропущенное слово „Ярославля“ (т. е. Ярославича), которое новый писецъ и приставилъ къ слову „времени“, тогда какъ оно слѣдуетъ къ слову „Святъславля“, да и написалъ-то, вѣроятно, съ перемѣною окончанія, вмѣсто „Ярославча“ или „Ярославлича“. По исправленіи разбираемаго мѣста согласно изложеннымъ замѣчаніямъ, оно становится яснымъ въ совершенствѣ: въ немъ является не кто иной, какъ великій князь Святославъ Ярославичъ, отецъ когана Олега. Такимъ

образомъ припѣвка (иходы) Бояна направлена на Олегова любимца (хота), бывшаго пѣвцомъ при Святославѣ Ярославичѣ и, безъ сомнѣнія, поступившаго послѣ него къ Олегу.

8. *Стружіе.* Всеславъ „дотчеся стружіемъ до злата стола Кіевскаго". „Стружіе" упоминается въ поэмѣ еще разъ. Въ числѣ взятыхъ Игоремъ половецкихъ княжескихъ регалій находилось и „сребрено стружіе". Слово это встрѣчается въ хожденіи игумена Даніила, по Софійскому списку XV—XVI вѣка: „есть бо Распятіе Господне отъ Въскресеніа къ востоку лицемъ; есть же на камени высоко было, яко стружіа възвыше". Покойный А. С. Норовъ, издавая Паломникъ Даніила, считалъ слово „стружіе" непонятнымъ и замѣнялъ его словомъ „стражіе", согласно другимъ спискамъ памятника, чрезъ что замѣчаніе Даніила утратило смыслъ и получило странный складъ: „высоко было яко стражіе быше". Тутъ все не вяжется одно съ другимъ. А между тѣмъ Даніилъ весьма ясно опредѣлилъ высоту камня, прибавляя, что „камень тотъ *яко горка мала*", высота же этой горки повыше „стружія". Трифонъ Коробейниковъ опредѣляетъ всходъ на Голгоѳу 13 ступенями; но такъ какъ ступени шли по скату, то разрѣзъ горы по срединѣ дастъ линію высоты короче линіи ската. Если на ступень положить $^1/_4$ аршина, то отлогость будетъ равняться 13 четвертямъ или $3^1/_4$ аршинамъ; по этому, смотря впрочемъ по степени отлогости ската, линія высоты составитъ не болѣе $2^3/_4$ аршинъ. Отсюда мѣра „стружія" выводится въ $2^1/_2$ или около того аршина. Все это ведетъ къ заключенію, что „стружіемъ" называлась нѣкотораго рода жердь опредѣленной длины, родъ жезла, трости, посоха. Если половецкое „серебряное стружіе" принадлежало къ княжескимъ регаліямъ и по этой причинѣ сдѣлалось трофеемъ самого Игоря, какъ главнаго предводителя войска и какъ старѣйшаго изъ князей, участвовавшихъ въ походѣ, то оно оказывается подобіемъ булавы, родомъ скипетра, сановнымъ жезломъ. По всей вѣроятности, княжеское „стружіе", какъ жезлъ власти, имѣло начало въ самой отдаленной древности. Въ псалмѣ 2, ст. 8 и 9, читаемъ: „дамъ ти языки достояніе твое и одержаніе твое концы земли: упасеши я жезломъ желѣзнымъ" (см. Апок. гл. 2, ст. 27 и гл. 19, ст. 15). На памятникахъ древнихъ Персовъ мы

видимъ царей съ необыкновенно длинными жезлами. Главные боги Грековъ: Юпитеръ, Нептунъ и Плутонъ, а съ ними и Бахусъ представлялись съ весьма длинными жезлами, имѣвшими на верхнемъ концѣ символы ихъ владѣній; жезломъ Сатурна была коса тоже на длинномъ древкѣ. Византійскіе императоры часто представлялись на монетахъ съ лабаромъ, т. е. съ длиннымъ древкомъ, который на верхушкѣ своей имѣлъ монограмму имени Христова; конечно, лабаръ былъ символомъ побѣдоносности Римлянъ, но тѣмъ не менѣе, какъ принадлежность императора, онъ имѣлъ значеніе и жезла власти. На рисункѣ, находящемся въ лѣтописномъ сборникѣ Моск. Синод. Библіотеки, Іоаннъ Грозный, еще въ дѣтскомъ возрастѣ, изображенъ съ весьма длиннымъ посохомъ, какъ великій князь (Архивъ Ист. и Практ. Свѣд., кн. II, прилож. къ стр. 25). По выведенной выше мѣрѣ надобно заключать, что „стружіе“ по длинѣ уподоблялось древнимъ царскимъ жезламъ и отличалось отъ нихъ только символомъ, помѣщавшимся на верхушкѣ жерди. Итакъ если сочинитель Слова о полку Игоревѣ говоритъ, что Всеславъ „добился стружіемъ“ до кіевскаго стола, то этимъ показываетъ, что онъ не копьемъ, не храбростью, а просто палкою, безъ труда, дотыкался до великаго княженія, что̀ и идетъ въ гармонію съ костылями и клячею, которые тоже были средствами Всеслава, представленнаго поэтомъ въ насмѣшливомъ очеркѣ.

Изъ вышеизложенныхъ замѣчаній можно усмотрѣть, что Слово о полку Игоревѣ будучи весьма важно въ художественно-литературномъ отношеніи, представляется не менѣе важнымъ и въ отношеніи историко-археологическомъ. Въ немъ упоминается множество лицъ, преимущественно князей, а также предметовъ древняго быта, выставляются на видъ князья, неизвѣстные по исторіи, находятся особенныя слова и характерныя выраженія, встрѣчаются поэтическія примѣненія, сравненія, уподобленія, обнаруживаются нѣкоторыя преданія, обратившіяся въ миѳическія повѣрья, и вообще обрисовывается складъ поня-

тій въ древнемъ высшемъ обществѣ, совершенно отличный отъ установившагося черезъ два-три вѣка послѣ того. Отзывы о нѣкоторыхъ князьяхъ представляютъ смѣсь глубокаго уваженія къ ихъ сану съ сильнымъ неудовольствіемъ на ихъ дѣйствія, смѣсь, любопытную по формамъ, въ которыя она вылилась. Вотъ какія лица и предметы упоминаются въ Словѣ:

1) *Князья* — перваго періода: Ярославъ Владиміровичъ (в. кн. Кіевск. 1019—1054), Мстиславъ Владиміровичъ (кн. Черн. и Тмуторок. 988—1033), Святославъ Ярославичъ (в. к. Кіевск. 1073—1076), Романъ Святославичъ (кн. Тмуторок. 1077—1079), Олегъ Святославичъ (кн. Черн. и Тмуторок. 1077—1096), Святополкъ Изяславичъ (кн. Туров. 1087—1092, в. к. Кіевск. 1093—1113), его отецъ (Изяславъ Ярославичъ, в. к. Кіевск. 1054—1078), Владиміръ Мономахъ (кн. Черн. 1078—1094, Переясл. 1094—1113, в. к. Кіевск. 1113—1125) Ростиславъ Всеволодовичъ (кн. Переясл. 1093), Борисъ Вячеславичъ (кн. Черниг. 1077), Всеславъ Брячиславичъ (кн. Полоцк. 1044—1068), Изяславъ Васильковичъ (кн. Городенск., неизв.), Брячиславъ Васильковичъ (кн. Изяславск. 1158), Всеволодъ (Глѣбовичъ? кн. Изяславск. и Стрѣжевск. 1158); — втораго періода: Рюрикъ Ростиславичъ (кн. Овруч., Перемышльск., Волынск., в. к. Кіевск. 1067—1205), Давыдъ Ростиславичъ (кн. Смоленск. 1180—1187), Игорь Святославичъ (кн. Новгор. Сѣверск. 1178—1198), Ярославна (его супруга), Всеволодъ Святославичъ (кн. Трубчев. 1185), Глѣбовна (его супруга), Святославъ Всеволодовичъ (в. к. Кіевск. 1174—1194), Ярославъ Всеволодовичъ (кн. Черниг. 1177—1098), Владиміръ Давыдовичъ (кн. Черниг. 1139—1151), Олегъ и Святославъ (Игоревичи?), Владиміръ Игоревичъ (кн. Путивльск. 1185), Владиміръ Глѣбовичъ (кн. Переясл. 1169—1187), Всеволодъ (Юрьевичъ, в. к. Суздальск. 1176—1212), Глѣбовичи: Романъ (кн. Рязанск. 1177—1207), Всеволодъ и Святославъ (кн. Пронскіе 1185, 1195), а также Игорь, Владиміръ и Ярославъ; Ярославъ Володимерковичъ-Осмомыслъ (кн. Галицкій 1152—1187), Романъ (Мстиславичъ? кн. Волынск. 1188), Мстиславъ (Ярославичъ? кн. Луцк. 1182), Ольговичи (потомки Олега

Черниг.), Ингварь (Ярославичъ, кн. Волынск. 1180—1212), Всеволодъ (Ярославичъ, кн. Волынск. 1180—1185), три Мстиславича. Къ числу этихъ князей можно присоединить Святослава Ольговича, кн. Рыльск. (1185), участвовавшаго въ походѣ, и по всей вѣроятности, подразумѣваемаго въ выраженіи поэмы: „хотять закрыть 4 солнца“, т. е. Игоря, Всеволода, Владиміра Игоревича и Святослава Ольговича.

2) *Князья иноплеменничьи*: Касожскій Редедя; Половецкіе: Шароканъ, Кобякъ, Кончакъ, Гзакъ — король (Угорскій).

3) *Частные люди*: Боянъ, поэтъ и композиторъ; Овлуръ или Влуръ, половчинъ.

4) *Народы*: Русичи или Русици, Греки, Морава, Нѣмцы, Венедицы, (Ляхи, Угры, Касоги, Овары,[1]); толковины, Хиновы племена: Половцы, Литва, Ятвяги, Деремела.

5) *Страны*: Руская земля, Половецкая земля или поле Половецкое, Поморье, Посулье, Посемье, Сурожъ.

6) *Города и мѣстности*: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Бѣлгородъ, Новгородъ, Путивль, Курскъ, Римовъ, Городень, Плѣснескъ, Тмуторокань, Корсунь; — Боричево; — село Дудутки.

7) *Рѣки*: Днѣпръ, Волга, Донъ, Донецъ, Немига, Сула, Стугна, Рось, Семь, Каяла.

8) *Природа*. Части человѣка: тѣло, голова, очи, плеча. Животныя: туръ, комонь, конь; — дикіе: звѣри, волкъ, лисица, горностай, нардусъ, бобръ (бебрянъ); — птицы: соловей, орелъ, соколъ, кречетъ, воронъ, гусь, лебедь, гоголь, чайка, чернядь, зегзица, галка, ворона, дятелъ, сорока, дивъ; — части животныхъ: хоботы, крылья. — Небеса, солнце, мѣсяцъ, свѣтъ, тма, лучь, заря, мгла, облака, смороди, тучи, дождь, вѣтры, гроза, громъ, вихрь, молнія; — земля, горы, поля, луга, море, озера, потоки, ручьи, рѣки, волны, струи, болота, грязи, дороги, яруги, стязь, холмы, шеломя, тропа, путь, болонье, пустыня, лукоморье, дебрь, дерево, тисъ, тростіе, трава, цвѣты, листвіе, прахъ, роса.

9) *Звуки*: Голосъ, кликъ, крикъ, стонъ; — ржаніе коней; —

[1]) Имена эти выводятся изъ прилагат Ляцкій, Угорьскій, Касожьскій, Оварьскій.

свистъ звѣрей, бреханіе лисицы; — клектъ орла, щекотъ соловья[1]). говоръ галокъ, грай вороній, кычаніе зегзицы, тектъ дятла; — стукъ, звекъ, звонъ, тутнаніе, трескъ, шумъ.

10) *Бытъ народный.* Церкви: святая Софія въ Кіевѣ, святая Богородица Пирогощая въ Кіевѣ, святая Софія въ Полоцкѣ; — жилища: гридница, теремъ, дворъ, вѣжа; — состоянія: бояре, дружина, кмети, вои, были, могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, ольберы, ратаи, чага(?), кощей; — родство: прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, сынъ, внукъ, братъ, сыновецъ, ладо, жена, хоть, сваты; — одежда: ортма, япончица, кожухъ; — вооруженіе: шеломъ, папорзи, щиты, мечи, сабли, сулицы, засапожники, копья, луки, тулы, стрѣлы, шереширы, стрикусы(?), стремень; — утвари княжескія: стягъ, чолка, хоругвь, стружіе, ожерелье; — звуковые приборы: струна, колоколъ, труба; — цѣнности: ногата, рѣзана, бѣла; — домашніе и хозяйственные предметы: кровать, паполома, тѣлега, цѣпь, путина, клюка, рогъ, доска, кнѣсъ; — ткани: паволоки, оксамиты; — пашня и продукты: посѣвъ, снопъ, токъ, болого, вино; — драгоцѣнности: золото, серебро, жемчугъ; — питаніе: завтракъ, обѣдъ, ужинъ; — словесность: словеса, повѣсть, пѣснь, былины, рѣчь, припѣвка, ѣходы; — понятія и чувства: слава, честь, хвала, хула, жребій, лжа, мысль, умъ, дума, буесть, буйство, жалость, жалощи, жалоба, туга, печаль, тоска, унынie, плачъ, слезы, смага, жажда, сонъ; — времясчисленіе: вѣка, лѣта, времена, годины, утръ, день, вечеръ, ночь, куры, пятокъ; — сооруженія: мостъ, заборолы; — суда: корабли, носады, струги; — миѳы: Троянъ, Даждьбогъ, Стрибогъ, Велесъ, Карна, Жля, Дунай, Бусъ, готскія дѣвы, русскія дѣвы.

Такимъ образомъ Слово о полку Игоревѣ, не смотря на небольшой его объемъ, характеризуетъ древній бытъ высшаго сословія почти

---

[1]) Въ одной хороводной пѣснѣ говорится:

«Во саду ли было подъ яблонью,
«Въ зеленомъ подъ кудрявою
«Соловей *щекоталъ*
«Молодой *щекоталъ*».

(Сказ. Рус. Нар. I, III, 63).

во всемъ его составѣ. Искусное сопоставленіе и сочетаніе поименованныхъ предметовъ, представляющихъ въ общей ихъ совокупности прекрасное цѣлое, органически стройное, указываетъ на степень умственнаго развитія Русскихъ XII—XIII в., т. е. почти тогда, когда и церковное краснорѣчіе стояло также не на низкой степени, какъ доказывается это сочиненіями митрополита Никифора, Кирилла, еп. Туровскаго и др. И поэма эта всегда имѣла большое значеніе, такъ что едва ли какой-либо памятникъ привлекалъ къ себѣ столько вниманія, какъ Слово о полку Игоревѣ. Образованные люди интересовались имъ издавна, и то заимствовали изъ него цѣлыя фразы, перемѣняя только нѣкоторыя слова, какъ это видно по замѣткѣ въ Апостолѣ XIV в., то старались подражать картинности его языка, какъ это сдѣлалъ, и довольно удачно, Псковскій лѣтописецъ въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, именно подъ 1514 годомъ: „бысть побоище веліе Москвичемъ съ Литвою подъ городомъ подъ Оршею, и воскричаша и возопиша жены Оршанки на трубы московскія, и слышати было стуку и грому великому межу Москвичъ и Литвою; и удариша москвичи на Литву, Рускія князи и бояре съ дивными удалцы Рускими сыновами на силную рать Литовскую, и треснули копья Московскія и гремятъ мечи булатные о шеломы Литовскія на поли Оршанскомъ“ (Пол. Собр. Лѣтоп. Т. IV, стр. 290).

Въ наше время поэма пользуется вниманіемъ ученыхъ людей какъ замѣчательный памятникъ древней Русской Словесности. Со времени открытія этого памятника имъ занимались болѣе 80 лицъ и теперь многіе имъ заняты. Считаю не лишнимъ привести здѣсь имена этихъ лицъ, по спискамъ гг. Гербеля и Ваденюка:

Алябьевъ, Аѳанасьевъ-Чужбинскій, Бантышъ-Каменскій, Барсовъ, Белюстинъ, Бергъ, Бланшардъ (франц.), Бодянскій, Болтинъ, Больтцъ (нѣмецк.), Буслаевъ, Бутковъ, Бѣлевскій (польск.), Бѣликовъ, Ваденюкъ, Вельтманъ, Вишневскій, Востоковъ, князь Вяземскій, Гай, Ганка (чешск., нѣмецк.), Гербель, Глаголевъ, Годебскій (польск.), Головинъ, Грамотинъ, Давыдовъ, Данилевскій, Деларю, Добровскій, Дубенскій, митр. Евгеній, Ермолаевъ, Загорскій, Зедергольмъ (нѣмецк.), Калайдовичъ, Карамзинъ, Каченовскій, Козловъ,

Кораблевъ, Красинскій (польск.), Левитскій, Майковъ, Максимовичъ, Малашевъ, Малиновскій, Малышевскій, Мей, Миллеръ, В. Миллеръ, Минаевъ, Муспнъ-Пушкинъ, Мюллеръ (нѣмецк.), Огоновскій, Павскій, Палицынъ, Пекарскій, Погодинъ, Погоскій, Пожарскій, Полевой, Пушкинъ, Рихтеръ (нѣмецк.), Рознай (чешск.), Руссовъ, Сахаровъ, Сенковскій, Снегиревъ, Сѣряковъ, Тимковскій, Тихонравовъ, Туловъ, Хаджичъ (сербск.), Хрущовъ, Шафарикъ, Шевыревъ, Шишковъ, Шкляревскій, Шлецеръ, Юнгманъ (нѣмецк., чешск.), Язвицкій, Экштейнъ (франц.). Кромѣ того отрывокъ былъ помѣщенъ въ журналѣ Галатея. Въ настоящее время поэмою занимаются многіе ученые, изслѣдованія которыхъ мы, вѣроятно, увидимъ въ печати.

Подлинникъ.

Не лѣпо ли ны бяшетъ [1]), братіе, начяти старыми словесы трудныхъ [2]) повѣстій о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича; начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышленію [3]) Бояню: Боянъ бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити [4]), то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы: помняшеть бо [5]), рече [6]), първыхъ временъ усобицѣ. Тогда пущашеть 1 соколовь на стадо лебедѣй: который дотечаше, та преди пѣсь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълки Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не 1 соколовь на стадо

Переложеніе.

Не слѣдуетъ ли намъ, братцы, начать старыми сказаніями скорбныя повѣсти о полку Игоревѣ, Игоря Святославича; начать же тѣ пѣсни на подобіе былинъ сего времени, а не по примѣру Бояна: ибо когда вѣщій Боянъ хотѣлъ кому пѣснь сложить, то растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ *рыскалъ* по землѣ, сизымъ орломъ *взлеталъ* подъ облака, воспоминая объ усобицахъ прежнихъ временъ. Тогда *онъ* пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей: который достигалъ, тотъ впередъ и пѣснь пѣлъ старому Ярославу (*), храброму Мстиславу, что зарѣзалъ Редедю передъ полками Касожскими (*), красному Роману Святославичу (*). Но Боянъ, братцы,

лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святьславлича. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень [7]) въ градѣ Тьмутороканѣ. Бориса же Вячеславличя слава на судъ приведе и на кацину зелену паполому постла [8]), за обиду [9]) Олгову, храбра и млада князя. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщій Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: „ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути“. Съ тоя же кацины [10]) Святополкъ полелѣя [11]) отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святѣй Софіи къ Кіеву. — Тогда при Олзѣ Гориславличи [12]) сѣяшется и растяшеть усобицами: погибашеть жизнь Даждь-божа внука въ княжихъ крамолахъ, вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по

не десять соколовъ пускалъ на стадо лебедей, а свои вѣщіе персты на живыя струны возлагалъ, а онѣ уже сами князьямъ славу рокотали.

Начнемъ же, братцы, повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, который, напрягши умъ крѣпостію своею, наостривъ сердце свое мужествомъ и наполнившись ратнымъ духомъ, навелъ свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Были вѣка Трояновы, миновали лѣта Ярославовы; были ополченія Ольговы, Ольга Святославича, который мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ сѣялъ; *онъ* въ Тмутороканѣ вступилъ въ златъ стремень (г). Бориса же Вячеславича слава привела на судъ и повергла его на смертный зеленый коверъ, за дѣло Ольгово, храбраго и молодаго князя (д). *Да*; хотя и вѣщая душа въ иномъ тѣлѣ, но часто отъ бѣдъ страдаетъ. Тому вѣщій Боянъ сказалъ однажды замысловатую припѣвку: „ни хитрому, ни ловкому, ни проворной птицѣ суда Божія не миновать“. Съ того же смертнаго ковра Святополкъ унесъ отца своего на угорскихъ иноходцахъ ко святой Софіи въ Кіевъ (е). Тогда при Ольгѣ Гориславичѣ сѣялись и разростались усобицы: погибала жизнь Даждь-божья внука въ княжихъ крамолахъ, вѣки человѣковъ

Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть [13]), нъ часто врани граяхуть [14]), трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе [15]). То было въ ты рати и въ ты плъкы. А сицевои рати не слышано [16]).

На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони [17]) и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ. Утръ же [18]) воззни стрикусы [19]), оттвори врата Новуграду [20]), разшибе славу Ярославу [21]); скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ [22]). На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотять чѣпы харалужными [23]), на тоцѣ [24]) животъ кладутъ, вѣютъ душу изъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни [25]), посѣяни костьми Рускихъ сыновъ.— Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ [26]) Тмуторокания, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Соѳеи въ колоколы [27]), а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.— Тоже звонъ слыша давный великый Ярославъ сынъ Всеволожь.

сократились. Тогда въ Русской землѣ рѣдко пахари хохотали, но часто вороны каркали, дѣля между собою трупы, а галки по своему сговаривались летѣть на покормку. Такъ было въ тѣ войны и въ тѣ ополченія. А вотъ *о такой* войнѣ не слыхано.

На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ Всеславъ (ж) бросилъ жребій о дѣвицѣ, ему любезной. Подпершись костылями, на клячѣ, *онъ* бросился къ городу Кіеву и добился палкою до злата стола Кіевскаго (з), *а потомъ*, въ полночь, лютымъ звѣремъ убѣжалъ отъ Кіевлянъ изъ Бѣлагорода, при нависшей синей мглѣ (и). Раньше же *того*, взревѣвъ по совиному, отворилъ врата Новагорода *и* разбилъ славу Ярослава (і), *а затѣмъ* волкомъ кинулся къ Немигѣ съ Дудутокъ, — *и вотъ* на Немигѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами булатными, на току жизнь кладутъ, вѣютъ душу изъ тѣла. *Тогда* кровавые берега Немиги не хлѣбомъ были засѣяны, засѣяны *они* костями Русскихъ сыновъ (ѕ). *Итакъ* Всеславъ князь людей судилъ, князьямъ города уряжалъ, и вдругъ въ ночь принужденъ волкомъ рыскать: изъ Кіева еще до пѣтуховъ прискакалъ въ Тмуторакань, волкомъ перебѣжавъ путь великаго Хръса. Ему-то въ Полоцкѣ, у святой Софіи, рано заутреню позвонили въ

А Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.

Уже бо Сула не течетъ сребряными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія, притрепа славу дѣду своему [28]) Всеславу, а самъ подъ чрлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовьскыми мечи И схоти [29]) ю на кровать и рекъ: „дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша“. Не бысь ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелье. Унылы голоси, пониче веселіе, трубы трубятъ Городеньскіи: „Ярославе, и вси внуце Всеславли! уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени! Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ: вы бо своими крамолами начасте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю“. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи!

О, стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ

колокола, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Тотъ же давнишній великій звонъ слышалъ и Ярославъ сынъ Всеволодовъ. А Владиміръ всякое утро уши затыкалъ въ Черниговѣ.

Сула не течетъ уже серебряными струями къ городу Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочанамъ подъ кликомъ поганыхъ. *И только* одинъ Изяславъ, сынъ Васильковъ (л), позвонилъ своими острыми мечами о шеломы Литовскіе, *и тѣмъ* доставилъ славу дѣду своему Всеславу, но самъ *легъ* подъ красными щитами на кровавой травѣ, пораженный мечами Литовскими; и положивъ славу на кровать, сказалъ: „дружину твою, князь, птицы крыльями прикрыли, а звѣри кровь полизали“. Тамъ не было ни брата Брячислава, ни другаго Всеволода (м), *но онъ* одинъ изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла черезъ золотое ожерелье. Голоса уныли, веселье затихло, *а* трубы Городенскія (н) трубятъ: „Ярославъ, и *вы* всѣ внуки Всеславовы! повергните стяги свои, вложите свои мечи поврежденные! Вы уже потеряли дѣдовскую славу; вы своими крамолами начали наводить поганыхъ на землю Русскую, на жизнь Всеславову“. *И* какого насилія не было отъ земли Половецкой! (о).

О, стонать Русской землѣ! Вспомянетъ *она* прежнія времена

князей! Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а дрyзіи Давыдовы. Нъ роги нося имъ хоботы пашутъ [30]), копіа поютъ на Дунаи.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце, и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „братіе и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братіе, на своя бръзыя комони, да позримъ синего Дону“. Спала князю умь похоти и жалость [31]) ему знаменіе заступи искусити Дону великаго: „хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго съ вами, Русици; хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону“.

О, Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плъкы ущекоталъ [32]), скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы. Пѣти было пѣснь Игореви, того внуку! Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому. Чили [33]) въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь внуче!

и прежнихъ князей — того стараго Владимира, *котораго* нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ. А нынѣ его стяги стали Рюриковы (т), другіе же Давыдовы (р). Но имѣя рога, *они только* машутъ хвостами (с), *а* копья поютъ на Дунаѣ.

Въ то время Игорь (т) взглянулъ на свѣтлое солнце и увидѣлъ все войско свое тьмою отъ него прикрытымъ (у). И сказалъ Игорь дружинѣ своей: „братцы и друзья! ужъ лучше быть побиту, чѣмъ быть плѣнену. Сядемъ-ко, братцы, на своихъ борзыхъ коней и поглядимъ на синій Донъ“. Овладѣло умомъ князя увлеченіе и знаменіе загородилось отъ него нетерпѣніемъ отвѣдать Дону великаго: „хочу, говоритъ, копье приломить на краю поля Половецкаго съ вами, Русичи; хочу голову свою положить, либо шеломомъ испить Дону“ (ф).

О, Боянъ, соловей стараго времени! Вотъ бы ты эти полки воспѣлъ, скача соловьемъ по мысленному древу, взлетая умомъ подъ облака, свивая славы обѣихъ половинъ сего времени, рища по тропѣ Трояна черезъ поля на горы. Спѣлъ бы *ты* пѣснь Игорю того внуку. Не буря занесла соколовъ черезъ поля широкія; стада галокъ бѣгутъ *отъ нихъ* къ Дону великому. *Вотъ* это и воспѣлъ бы *ты*, вѣщій Боянъ, Велесовъ внукъ!

Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ, трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ: Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буйтуръ Всеволодъ: „одинъ братъ, одинъ свѣтъ, свѣтлый ты Игорю! Оба есвѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони [34]), а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди. А мои ти Куряне свѣдоми къмети [35]): подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія вскръмлени, пути имь вѣдоми, яругы [36]) имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славѣ“.—Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь, стонущи грозою, птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби [37]); дивъ кличетъ [38]) връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ: Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскый блъванъ [39])! А Половци неготовами [40]) дорогами побѣгоша къ Дону великому. Крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени [41]): Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ птиць, подобію влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клектомъ на кости

Кони ржутъ за Сулою, звенитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, стоятъ стяги въ Путивлѣ: Игорь ждетъ мила брата Всеволода (ˣ). И сказалъ ему буйтуръ Всеволодъ: „одинъ братъ, одинъ свѣтъ, ты свѣтлый Игорь! *А* мы оба Святославичи! Сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои-то *ужъ* готовы, осѣдланы у Курска, впереди (ᵘ). А мои-то Куряне извѣстные витязи: подъ трубами повѣ́ты, подъ шеломами вырощены, концомъ копья вскормлены, пути имъ извѣстны, овраги они знаютъ, луки у нихъ натянуты, тулы открыты, сабли наточены, а сами скачутъ какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы“. Тогда Игорь князь вступилъ въ златъ стремень и поѣхалъ по чистому полю (ᵗ).

Солнце ему тьмою путь застилало (ᵐ); ночь, стоная на него грозою, разбудила птицъ; вой звѣрей въ глуши; филинъ кличетъ на верху дерева, *чтобы* слышно *было* землямъ незнаемымъ: Волгѣ, и Поморью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тмутороканскій болванъ! А Половцы какъ попало побѣжали къ Дону великому. Скрипятъ тѣлеги въ полуночи, точно встревоженные лебеди: *это* Игорь войско ведетъ къ Дону. *А между тѣмъ* птицы поджидаютъ его бѣду; подобно *имъ и* волки грозу чуютъ по оврагамъ; орлы *своимъ*

звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чрьленыя щиты.

О, Руская земле! уже за шеломянемъ еси [42]).

Длъго ночь [43]) мркнеть; заря свѣтъ запала [44]), мъгла поля покрыла; щекотъ славій успе; говоръ галичъ убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя, и рассушась стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато и паволокы [45]) и драгыя оксамиты [46]). Орьтъмами и япончицами и кожухы [47]) начаша мосты мостити по болотомъ и грязнымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половецкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка [48]), сребрено стружіе храброму Святъславличю.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо: далече залетѣло. Не былонъ обидѣ порождено [49]) ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрьный воронъ, поганый Половчине!

Гзакъ [40]) бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чрьныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти $\overline{4}$ солнца [51]), а въ нихъ

клокотомъ зовутъ звѣрей на кости; лисицы лаютъ на красные щиты.

О, Русская земля! *Вотъ* ужъ ты *и за* рубежемъ.

Настала глубокая ночь; свѣтъ померкъ съ зарею; мгла покрыла поля; *порою* говоръ галокъ пробуждался. Красными щитами Русскіе перегородили великія поля, ищучи себѣ чести, а князю славы.

Въ пятницу спозаранку *они* поразили поганые полки Половецкіе, и быстро разсыпались по полю [m]); похватали красныхъ дѣвокъ Половецкихъ, а съ ними золото и паволоки и дорогіе оксамиты; ортмами *же* и япончицами и кожухами начали мостовыя мостить по болотамъ и по грязнымъ мѣстамъ, и всякими диковинками Половецкими. *А* красный стягъ, бѣлая хоругвь, красная чолка, серебряный жезлъ достались храброму Святославичу.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо, залетѣвшее далеко [n]). Не было оно приступно ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чорный воронъ, поганый Половчинъ!

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ, *а* Кончакъ направляетъ слѣдъ его къ Дону великому.

На другой день, очень рано, кровавыя зари возвѣстили свѣтъ; съ моря пошли чорныя тучи, угрожая закрыть четыре солнца, и въ

трепещуть синіи млъніи. Быти грому великому! итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкія на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго.

О, Руская землѣ! уже не шеломянемъ еси [52]).

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ [53]), рѣки мутно текуть, пороси [54]) поля прикрываютъ, стязи глаголютъ: „Половцы идуть отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ странъ!“ — Рускыя плъкы отступиша.—Дѣти бѣсовы кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици прегородиша чрълеными щиты. — Яръ-туре Всеволодѣ! Стоиши на борони [55]), прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными! Камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя, поскепаны [56]) саблями каленымы шеломы Оварьскыя отъ тебе, яръ-туре Всеволоде! Кая раны дорога, братіе [57]), забывъ чти и живота и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти [58]) красныя Глѣбовны свычая и обычая!

Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копіа харалужныя въ поганыхъ трепещутъ синія молніи. Быть грому великому! Идти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Поломаться тамъ копьямъ, притупиться тамъ саблямъ о шеломы Половецкіе на рѣкѣ на Каялѣ, у Дону великаго.

О, Русская земля! уже *ты далеко отъ* рубежа.

Вотъ вѣтры, Стрибожьи внуки, повѣяли съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы. Земля звякаетъ, рѣки мутно текутъ, пыль поля покрываетъ, *а* стяги говорятъ: „Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря и со всѣхъ сторонъ!“ (*и*) *Тутъ* Русскіе полки отступили, *а* бѣсовы дѣти кликомъ огласили поля, храбрые же Русичи оградились красными щитами.—Яръ-туръ Всеволодъ! Крѣпко ты обороняешся, брызжешь на враговъ стрѣлами, гремишь о шеломы мечами булатными. Куда туръ наскочитъ, сверкая своимъ золотымъ шлемомъ, тамъ лежатъ поганыя головы Половецкія, расколоты шеломы Оварскіе саблями каленымы отъ тебя, яръ-туръ Всеволодъ! Какія раны, братцы, дороже *его ранъ? Вѣдь онъ* забылъ почетъ и жизнь и городъ Черниговъ, отчій златой столъ, и своей милой жены красавицы Глѣбовны привязанность и вѣрность!

Спозаранку до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шеломы, трещатъ копья булатныя въ полѣ

лѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна. Тугою [59]) взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода. — Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста. Ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братіе, не веселая година въстала! уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука, вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ, у Дону плещучи [60]): убуди жирня [61]) времена. Усобица княземъ на поганыя погибе; рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же. И начаша князи про малое се великое мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати. А поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О, далече зайде соколъ, птиць бья къ морю! А Игорева храбраго плъку не крѣсити! За нимъ кликнезнаемомъ, среди земли Половецкой. Черная земля подъ копытами костьми была засѣяна и кровью полита. *И* пошло скорбью по Русской землѣ.

Что тамъ шумитъ, что тамъ звенитъ вдали рано передъ зорями? *Это* Игорь полки заворачиваетъ: ему жаль *стало* мила брата Всеволода. — Бились день, бились другой; на третій день къ полудню пали стяги Игоревы [z]). Тутъ братья разлучились на берегу быстрой Каялы. Тутъ не достало кроваваго вина. Тутъ пиръ окончили храбрые Русичи: сватовъ напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнетъ трава отъ жалости, а дерево съ скорбію къ землѣ приклонилось.

Наступило, братцы, не веселое времячко! Пустыня пожрала силу. Бѣда постигла силы Даждь-божья внука, вступившаго дѣвою на землю Троянову, *и* всплескала лебедиными крилами на синемъ морѣ, у Дона плещучи. *Она* пробудила грустныя времена: *въ* усобицахъ князей погибла *побѣда* надъ погаными. *Вотъ* говорятъ братъ брату: это мое, да и то мое же. И начали князья про малое толковать свысока, и сами на себя крамолу ковать. А поганые со всѣхъ сторонъ приходятъ съ побѣдами на землю Русскую.

О, далеко зашелъ соколъ, гоня птицъ къ морю! Но *уже* Игорева храбраго полку не воротить! По

ну Карна и Жля [62]), поскочи по Руской земли, смагу мычючи [63]) въ пламянѣ розѣ. Жены Рускія въсплакашась, аркучи: „уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати". — Нъ уже князю Игорю утрпѣ [64]) солнцю свѣтъ, а древо не бологомь листвіе срони. По Рси и по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плъку не крѣсити. — А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускый. А князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ [65]) отъ двора.

Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозный великый Кіевскый. Грозою бяшеть притрепеталъ своими силными плъкы и харалужными мечи, наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихрь, выторже; и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли [66]). Ту Нѣмци и Венедици,

немъ кликнули Карна и Жля, *и* понеслись по Русской землѣ, слезы разнося въ пламенномъ рогѣ. *И* всплакались жены Русскія, причитая: „уже намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслію представить, ни думою вообразить, ни очами увидѣть, а золотомъ и серебромъ ни мало не потѣшиться". Но уже для князя Игоря померкъ солнца свѣтъ, а дерево не добромъ листья сронило. По Рси и по Сулѣ города подѣлены. А Игорева храбраго полку не воротить. И застоналъ, братцы, Кіевъ отъ скорби, а Черниговъ отъ напастей; тоска разлилась по Русской землѣ; горькая печаль потекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу куютъ, поганые же съ побѣдами набѣгаютъ на Русскую землю и берутъ дань по бѣлѣ отъ двора.

И вотъ тѣ два храбрые Святославичи — Игорь и Всеволодъ пробудили опасность, которую усыпилъ было отецъ ихъ Святославъ грозный великій *князь* Кіевскій. Грозою привелъ *враговъ* въ трепетъ своими сильными полками и булатными мечами, наступивъ на землю Половецкую, притоптавъ холмы и овраги, возмутивъ рѣки и озера, изсушивъ потоки и болота; поганаго же Кобяка вырвалъ какъ вихремъ изъ лукоморья отъ желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ [1]; и палъ Кобякъ въ городѣ Кіевѣ, въ палатѣ Свято-

ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, кають [67]) князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша; ту Игорь князь высѣде изъ сѣдла злата а въ сѣдло кощіево [68]). Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче.

А Святъславь мутенъ сонъ видѣ: „въ Кіевѣ, на горахъ, си ночь съ вечера одѣвахте мя, рече, чрѣною паполомою на кроваты тисовѣ [69]); чрѣпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахуть ми тѫщими тулы поганыхъ тльковинъ [70]) великый женчюгь на лоно, и нѣгуютъ мя. Уже дьскы безъ кнѣса [71]) въ моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю нощь съ вечера бусови [72]) врани възграяху у Плѣсньска на болони [73]), браша дебрь Кисаню и несоша ю къ синему морю“ [74]). И ркоша бояре князю: „уже, княже, туга умь полонила: се бо два сокола слѣтѣста съ отня злата стола поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опутоша въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ г̃ день [75]). Два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли простроша Половци, аки

славовой. Тамъ Нѣмцы и Венеціане, тамъ Греки и Моравы поютъ славу Святославу *и* порицаютъ князя Игоря, который погрузилъ добро на дно Каялы, рѣки Половецкой, ссыпавъ *въ нее* Русское золото, *и* тамъ пересѣвъ изъ злата сѣдла въ сѣдло Кощеево. Оторопѣли городскія охраны, а веселіе поникло.

А Святославъ видѣлъ смутный сонъ: „въ Кіевѣ, на горахъ, нынѣшнею ночью, съ вечера, одѣвали меня, говорилъ, чорнымъ покрываломъ на тисовой кровати; черпали мнѣ синее вино съ недугомъ смѣшено, сыпали мнѣ на ложе изъ пустыхъ туловъ поганыхъ язычниковъ крупный жемчугъ, и нѣжили меня. Вотъ двери безъ верха въ моемъ теремѣ златоверхомъ. Всю ночь съ вечера бусовы вороны прокаркали у Плѣснеска на вспольѣ, брали дебрь Кисанову и несли ее къ синему морю“. — И сказали бояре князю: „князь! это скорбь овладѣла умомъ, потому что два сокола слетѣли съ отчаго злата стола, *чтобы* добыть городъ Тмуторокань, либо испить шеломомъ Дону, — *и вотъ* крылышки у соколовъ подрѣзаны саблями поганыхъ, а сами они опутаны желѣзными цѣпями. Темно стало въ третій день: два солнца померкли, оба столпа багряные погасли, и съ ними молодые мѣсяцы — Олегъ и Святославъ —

пардуже гнѣздо[76]), и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови[77]). Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже връжеся дивь, на землю. Се бо Готскія красныя дѣвы[78]) въспѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ златомъ: поютъ время Бусово[79]), лелѣютъ месть Шароканю[80]). а мы уже дружина жадни веселія!“ — Тогда великій Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: „О, моя сыновчя Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити[81]), а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолесте, не честно бо кровь поганую пролясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена[82]). Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти[83]) сильнаго и богатаго, и многовои брата моего Ярослава, съ Черниговьскими былями[84]), съ могуты[85]) и съ татраны и съ шельбиры и съ топчакы и съ ревугы и съ ольберы[86]): тіи бо бес щитовь, съ засапожникы, кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте: мужа имѣ ся сами; преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ[87]). А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло княже ми не потьмою заволокліись. На рѣкѣ на Каялѣ тма покрыла свѣтъ: по Русской землѣ разбрелись Половцы, какъ рысиное гнѣздо(3), и погрузили *ее* въ морѣ *бѣдствій, чтьмг* дали Хину *поводъ* къ великой смѣлости. Уже хула перешла на хвалу, уже рванулась нужда на волю, уже страшилище бросилось на землю. Вотъ Готскія красныя дѣвы запѣли на берегу синяго моря, звоня Русскимъ золотомъ: онѣ поютъ время Бусово, ублажаютъ месть Шароканову, а мы, *твоя* дружина, лишены веселія“. — Тогда великій Святославъ изронилъ златое слово съ слезами смѣшено, и сказалъ: „О, мои сыновцы Игорь и Всеволодъ! рано вы начали Половецкую землю мечами сокрушать, а себѣ славу искать(10). Но одолѣли не въ честь *себѣ*, *и* не въ честь *себѣ* пролили поганую кровь. Ваши храбрыя сердца изъ жесткаго булата скованы и въ отвагѣ закалены. Что же вы сдѣлали моей серебряной сѣдинѣ! Уже не вижу владѣнія сильнаго и богатаго и множества воиновъ брата моего Ярослава, съ Черниговскими былями, съ могутами и съ татранами и съ шельбирами и съ топчаками и съ ревугами и съ ольберами: *всѣ* они безъ щитовъ, съ *однимі* засапожниками, кликомъ полки побѣждаютъ, звоня въ прадѣдовскую славу. Но вы сказали: мужей имѣемъ сами, и сами

собіе: на ниче ся годины обратиша“.

Се уримъ [88]) кричатъ подъ саблями Половецкыми. А Володиміръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!

Великый княже Всеволоде! Не мыслію ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы роскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ [89]), а кощей по резанѣ [90]). Ты бо можеши по суху живыми шереширы [91]) стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду! — Ты, буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша! Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ аки тури ранены саблями каленымі на полѣ незнаемѣ! Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святославлича! — Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованѣмъ столѣ, добудемъ переднюю славу, а заднею сами подѣлимся. А не чудо ли, братцы, старому помолодѣть? Когда соколъ въ мытѣ бываетъ, то птицъ высоко взбиваетъ, не давая своего гнѣзда въ обиду. Но я не могу пособить князьямъ въ ихъ бѣдствіи: ничкомъ повернулось теперешнее время“ [(z)].

Чу! въ Римовѣ отчаянно кричатъ подъ саблями Половецкими. А Владиміръ *лежитъ* израненный. Скорбь и тоска сыну Глѣбову [(c)]!

Великій князь Всеволодъ [(t)]! Не думаешь ты прилетѣть издалека, *чтобы* поберечь отчаго злата стола. А вѣдь ты можешь Волгу веслами распрыскать, а Донъ шеломами вычерпать. Если бы ты былъ *здѣсь*, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ. *Вѣдь* ты можешь на сушѣ живыми шерешірами стрѣлять, удалыми сынами Глѣбовыми [(aa)]. Ты высоко плаваешь на дѣло въ отвагѣ, подобно соколу, парящему на вѣтрахъ, чтобы отважно одолѣть птицу. Донъ кличетъ тебя, князь, и зоветъ князей на побѣду! — Ты, отважный Рюрикъ и Давыдъ [(bb)]! Не ваши ли золоченые шеломы по крови плавали! Не ваши ли храбрыя дружины рыкаютъ какъ туры, раненые саблями каленымі на полѣ незнаемомъ! Вступите, господа, въ златъ стремень за нынѣшнюю напасть, за землю Рускую, за раны Игоревы, отважнаго Святославича! — Галицкій Осмомыслъ Яро-

подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ. Оттворяеши Кіеву ворота, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святославлича! — А ты, буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи [92]) подъ шеломы латинскими; тѣми тресну земля и многи страны Хинова: Литва, Ятвязи, Деремела и Половци, сулици [93]) своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань. Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци, не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте, кое ваши златые шеломы и сулици ляцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Ярославнинъ гласъ слышитъ; зегзицею [94]) не знаемь рано кычеть: „полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каяславъ [(ии)]! Ты высоко сидишь на своемъ златокованномъ столѣ; *ты* подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками; ты загородилъ королю путь, затворилъ ворота Дуная; ты бремена мечешь чрезъ облака, суды уряжаешь до Дуная. Грозы твои по землямъ текутъ. *Ты* отворяешь ворота Кіева; *ты* съ отчаго злата стола стрѣляешь въ отдаленнаго султана. Стрѣляй, господинъ, Кончака, поганаго кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, отважнаго Святославича! — А ты, отважный Романъ и Мстиславъ [(гг)]! Храбрая мысль носитъ васъ умомъ на дѣло. Вѣдь у васъ желѣзныя папруги подъ шеломами латинскими; отъ нихъ дрогнула земля, и многія страны Хиновы: Литва, Ятвяги, Деремела и Половцы побросали свои сулицы, а головы подклонили подъ тѣ мечи булатные. Ольговичи [(дд)], храбрые князья, *уже* приготовились на брань. Ингварь и Всеволодъ [(ее)] и всѣ три Мстиславича [(жж)], не худаго гнѣзда шестокрильцы, *вы* не жребіемъ побѣды пріобрѣли себѣ владѣнія, такъ что же ваши златые шеломы и сулицы ляшскіе и щиты! Загородите ворота поля своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, отважнаго Святославича!

Слышенъ голосъ Ярославны. Одинокою кукушкою *она* рано кукуетъ: „полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю, омочу бобро-

лѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ“.—Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:“ о, вѣтрѣ, вѣтрило! чему, господине, насилно вѣеши! чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои! Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ. Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя!“ — Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: „о, Днепре словутицю! Ты пробилъ еси каменыя горы сквозѣ землю Половецкую[95]). Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано!“ —Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „свѣтлое и тресвѣтлое[96]) слънце! Всѣмъ тепло и красно еси! Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои! Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже тугою имъ тули затче“.

Прысну море полунощи; идуть сморци мьглами: Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари; Игорь не спитъ[97]), Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля

вый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, оботру кровавыя раны князя на жесткомъ его тѣлѣ!“ — Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, причитая: „О, вѣтеръ, вѣтрило! За чѣмъ, господинъ, усильно дуешь! Зачѣмъ на своихъ легкихъ крылышкахъ несешь хиновскія стрѣлки на воиновъ моего мужа! Мало ли горъ подъ облаками, *чтобы* тебѣ вѣять, колыхая корабли на синѣмъ морѣ. Зачѣмъ, господинъ, мое веселіе по ковылю развѣялъ!„ — Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ на забралѣ, причитая: „О, Днѣпръ пресловутый! Ты пробилъ каменныя горы сквозь землю Половецкую. Ты сплавилъ на себѣ Святославовы ладьи до Кобякова полка. Сплавь, господинъ, моего мужа ко мнѣ, чтобыя не слала къ нему слезъ на море рано!“ — Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, причитая: „Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! Ты для всѣхъ тепло и красно! Зачѣмъ, господинъ, простерло *ты* горячій свой лучъ на мужниныхъ воиновъ? Въ полѣ безводномъ *ты* жаждою спутало ихъ луки, заткнувъ скорбью ихъ тулы“.

Брызнуло море въ полночь, идутъ смерчи туманами: Игорю князю Богъ указываетъ путь изъ земли Половецкой на землю Русскую, къ отчему злату столу. Погасли вечернія зари; Игорь не спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мы-

мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ [98]) свисну за рѣкою, велить князю разумѣти, князю Игорю не быть [99]). Кликну, стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся Половецкіи подвизашася, а Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня. Донецъ рече: „княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбіа [100]), а Руской земли веселіа!“ Игорь рече: „О, Донче! не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу, стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцями на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ! Не тако ли, рече, рѣка Стугна [101]) худу струю имѣя, пожрѣшій чюжи ручьи, и стругы ростре на кусту, уному князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою и дрѣво стугою къ земли прѣклонило“.—А не сороκы втроскоташа: слію поля мѣряетъ отъ великаго Дона до малаго Донца. Конь *готовъ* въ полуночи. Овлуръ свиснулъ за рѣкою, давая тѣмъ князю понять ..... Звякнула, стукнула земля, зашумѣла трава, вежи Половецкія зашатались, а Игорь князь горностаемъ бросился въ тростникъ, *потомъ* бѣлымъ гоголемъ на воду, *затѣмъ* вскочилъ на борзаго коня, *послѣ того* соскочилъ съ него и босой побѣжалъ волкомъ къ лугу Донца [33]), и соколомъ полетѣлъ подъ мглами, избивая гусей и лебедей на завтракъ, на обѣдъ и *на* ужинъ. Когда *же* Игорь соколомъ полетѣлъ, тогда Влуръ побѣжалъ волкомъ, труся собою студеную росу: ибо они загнали своихъ борзыхъ коней. Донецъ сказалъ: „князь Игорь не мало тебѣ величія, а Кончаку досады, а Русской землѣ радости!“ Игорь отвѣчалъ: „О, Донецъ! не мало величія *и* тебѣ, колыхавшему князя на волнахъ, стлавшему для него зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвавшему его теплыми туманами подъ сѣнью зеленаго дерева, стерегшему его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернядьми на вѣтрахъ. Не такова, говорилъ, рѣка Стугна, *которая*, имѣя слабую струю, пожрала чужіе ручьи и раздробила струги на порогѣ, затворивъ юному князю Ростиславу Днѣпръ темнымъ бе-

на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сороκы не троскоташа; полозію [102]) ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ; соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.—Млъвитъ Гзакъ Кончакови: „аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича растрѣляевѣ своими злачеными стрѣлами“. Рече Кончакъ ко Гзѣ: „аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею“. И рече Гзакъ къ Кончакови: „аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице: то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ иходы на Святъславля Ярославича пѣствορца стараго времени, Ольгова коганя хота: „тяжко ти головы кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы!“ Рускоѝ земли безъ Игоря. Солнце свѣтится на небесѣ: Игорь князь въ Рускоѝ земли. Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чрезъ море до Кіева: Игорь ѣдетъ по Боричеву [103]) къ святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, градѝ веселѝ.

регомъ [111]); *и* плачетъ мать Ростиславова по юношѣ князѣ Ростиславѣ. Уныли цвѣты *отъ* жалости, и дерево печально къ землѣ преклонилось“. — А нѣ сороки застрекотали: *то* на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда вороны не каркали, галки замолчали, сороки не стрекотали: *бѣлѣцы* только ползкомъ ползли. Дятлы стукомъ *своимъ* указываютъ *имъ* путь къ рѣкѣ, *а* соловьи веселыми пѣснями свѣтъ возвѣщаютъ. — Гзакъ сказалъ Кончаку: пока соколъ къ гнѣзду лѣтитъ, *мы* застрѣлимъ соколенка своими золочеными стрѣлами“ [11]). Кончакъ сказалъ Гзѣ: „пока соколъ къ гнѣзду летитъ, мы опутаемъ соколенка красною дѣвицею“ [kk]). А Гзакъ сказалъ Кончаку: „если его опутаемъ красною дѣвицею, то ни намъ будетъ соколенокъ, ни намъ красная дѣвица, и насъ, *какъ* птицъ, будутъ бить въ полѣ Половецкомъ“.

Сказалъ Боянъ припѣвку на Святославова Ярославича пѣснотворца стараго времени, Ольгова коганя любимца: „тяжко головѣто безъ плечь; бѣда тѣлу-то безъ головы;“ *а* Русской землѣ безъ Игоря! Солнце сіяетъ на небѣ: *это* Игорь князь въ Русской землѣ. Дѣвицы поютъ на Дунаѣ, несутся голоса черезъ море до Кіева: Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святой Богородицѣ Пирогощей [ll]). Страны рады, города веселы.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ, пѣти слава Игорю Святъславича, буйтуру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу. Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки!

Княземъ слава, а дружинѣ аминь.

Спѣвши пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ, *надобно* спѣть славу Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу. Здравствуйте князья и дружина, поборающіе за христіанъ на поганые полки.

Князьямъ слава, а дружинѣ аминь.

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

1) „Лѣпо“ = стройно, прилично, складно. „Благолѣпіе“ = благовидность; „великолѣпно“ = изящно и вмѣстѣ богато. „Лѣпота“ = благовидность; „облечься въ лѣпоту“ = надѣть на себя всѣ знаки величія или достоинства. По Треязычному Лексикону, „лѣпо есть“ значитъ „подобаетъ“, почему выраженіе: „не лѣпо ли бяшеть“ соотвѣтствуетъ выраженію: „не подобаетъ ли“, „не слѣдуетъ ли“.. — Мѣстоименіе: „ны“ родительный падежъ перв. лица множ. числа = „насъ“, но въ Словѣ употребленo въ значеніи дательнаго падежа: „намъ“.

2) „Трудъ“ значитъ не только подвигъ, усиліе, но и скорбь; такъ въ Псалмѣ 9, ст. 28: „подъ языкомъ его трудъ (κόπος) и болѣзнь“. „Трудныя повѣсти“ скорѣе скорбныя повѣсти, такъ какъ Слово повѣствуетъ о бѣдственномъ вліяніи усобицъ на народъ и о неудачѣ Игорева похода.

3) „Замышленіе“ — способъ, которымъ Боянъ выражалъ свои мысли. „Не по замышленію“ значитъ = не тѣмъ способомъ.

4) „Сложить“ не вполнѣ передаетъ силу слова: „творить“, но я не знаю другаго слова для переложенія, потому что это слово имѣетъ нынѣ въ философскомъ смыслѣ другое значеніе.

5) „Помняшетъ“, по смыслу рѣчи, значитъ: „поминаетъ“.

6) Въ подлинникѣ: „речь“, но это видимая ошибка издателя. По справедливому замѣчанію П. И. Савваитова, надобно читать: „рече“ = говорилъ; это обыкновенное присловье нѣсколько разъ употреблено въ поэмѣ.

7) Ступить, или вступить въ златъ стремень = начать войну, выступить въ походъ.

8) Въ подлинникѣ: „на канину“. Покойный Погодинъ объяснялъ это мѣсто такъ: „зеленый лугъ у Канина, близъ Чернигова“. Урочище *Канинь* упоминается въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1152 годомъ: „Гюргеви же идущю въ Русь, пришедъ ста у Глухова, и приде къ нему множство Половець и Ольговичь Святославъ; и сдумавше вси поидоша къ Чернигову, и перешедше Сновъ и сташа у Гуричева близь города, перешедше Канинь, бѣ же тогды день недѣлный, тѣмъ же неидоша къ городу.... На ту же нощь Изяславъ и Ростиславъ и Всеволодичь, видѣвше силу Половечьскую, повелѣша людемъ всѣмъ бѣжати изъ острога въ дѣтинець. На утріи же день Гюрги и Святославъ исполчиша воѣ свои, поидоша къ городу“ (I т. Пол. Собр. Лѣт., стр. 145). Отсюда видно, что *Канинъ* былъ, между Сновомъ и Гуричевымъ городомъ, почти подъ Черниговомъ, со стороны Глухова. Между тѣмъ положеніе Нѣжатиной нивы, на которой убитъ Борисъ Вячеславичъ въ лѣтописяхъ не опредѣлено, почему и трудно утверждать, что нива эта была поле у Канина; если бы она дѣйствительно была то самое, то было бы сказано не „на канину“, а „на Каниньску зеленую паполому“. Мнѣ кажется, что въ правильныхъ спискахъ поэмы стояло: накапиноу, и вотъ почему: въ одной рукописи 1263 года „капищемъ“ называется тѣло Адама, еще не оживленное дыханіемъ жизни; равнымъ образомъ тамъ же „капью“ названа безжизненная фигура, кумиръ, истуканъ, а также ножны сабли; въ точномъ смыслѣ пустоты, влагалища, слово это примѣнялось къ солнцу: „солнечное тѣло *капь* круговьная и прьвотворенный свѣтъ въ нь вложенъ“ (опис. Слав. рукоп. Моск. Синод. Библ. № 1—3 стр. 105; № 54, стр. 13 и 14); отсюда — каплица = кумирница, божница. Слѣдовательно, въ поэтическомъ смыслѣ „капью“ можно назвать тѣло, трупъ, а потому выраженіе: „на капину“ будетъ значить: „на смертную“. — Слово

„паполома“ производятъ отъ греч. πέπλωμα и πάπλομα = верхнее платье, мужеское одѣяніе, покрывало. Въ поэмѣ „паполома“ упомянута два раза: одинъ въ значеніи ковра, а другой въ значеніи покрывала, одѣяла: „покрывахте мя чрѣною паполомою на кровати тисовѣ“. — „Постла“ вм. поверже, распростре; такъ въ церковныхъ книгахъ: „во глубинѣ *постла* иногда фараонитское всевоинство“.

9) Слово „обида“ употреблено въ поэмѣ четыре раза, въ значеніи оскорбленія, бѣды, непріятности. Обида Ольгова = непріятность, оскорбленіе; — обида въ силахъ Даждьбожья внука = бѣда; — не былонъ обидѣ порождено = непріятность, тревога; — не дастъ гнѣзда въ обиду = защититъ, обережетъ отъ оскорбленія, непріятности. По словамъ одной замѣтки, XV в., Димитрій Донской бился съ Мамаемъ „за свою великую *обиду*“ (Опис. Слав. Рук. Моск. Син. Библ. № 217 стр. 5).

10) Во всѣхъ изданіяхъ: „съ тоя же Каялы“. Но тутъ Каяла попала по ошибкѣ писца. Великій князь Изяславъ, отецъ Святополка, убитъ въ томъ же сраженіи, въ которомъ палъ и Борисъ Вячеславичъ, т. е. на Нѣжатиной нивѣ, а не на Каялѣ. Поэтому слѣдуетъ читать, вмѣсто „Каялы“, „капины“ (см. примѣч. 8).

11) Въ печатн. „повелѣя“. Слово это подвергалось разнымъ толкованіямъ, но осталось по прежнему непонятнымъ. Между тѣмъ смыслъ его опредѣляется очень просто: форма „повелѣя“ произошла отъ явной ошибки писца, который букву *в* поставилъ вмѣсто *л*. Возстановляя правильную форму слова, получаемъ весьма понятное выраженіе: „полелѣя“, происходящее отъ слова „лелѣять“, а слово „лелѣять“ находится въ нѣсколькихъ мѣстахъ поэмы и значитъ: колыхать, качать, нести плавно. Такъ Ярославна предъоставляетъ вѣтру „лелѣять“ корабли на синѣмъ морѣ, и проситъ Днѣпръ, „лелѣявшій“ на себѣ Святославовы носады, „взлелѣять“ къ ней мужа; такъ Донецъ „лелѣялъ“ князя на волнахъ. Выраженіе: „полелѣя отца своего“ значитъ: плавно перенесъ тѣло отца своего. Дѣйствительно, оно сперва было везено водою на лодьяхъ, а потомъ на саняхъ (см. далѣе въ лѣтописи подъ буквою *е*). Если такое перенесеніе поэтъ выразилъ иноходцами, то сдѣлалъ

это потому, что иноходцы отличаются плавностью бѣга. Въ одной городской свадебной пѣснѣ Вологодской губерніи поется:

„Разливалася рѣченька,
Разливалася быстрая
По крутымъ бережкамъ,
По лугамъ, по зеленымъ,
По травамъ по шелковымъ:
Унесло, *улелѣяло*
Душу красную дѣвицу
На чужудальну сторону“

(Христом., Буслаева, стр. 1581). Слѣдовательно, слово „лелѣять“ и нынѣ имѣетъ смыслъ, одинаковый съ древнимъ.

12) Олегъ названъ Гориславичемъ, вѣроятно, для отличенія его отъ другаго Олега Святославича, предшественника Игорева на княженіи въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ. Но было, можетъ статься, и другое къ тому побужденіе. „Гориславъ“ было имя употребительное; такъ въ Новгородской первой лѣтописи, подъ 1240 годомъ, упоминается „Гаврило Гориславичь воевода“ (П. С. Лѣт., III, стр. 53).

13) „Ратай“ = пахарь; въ Русской Правдѣ упоминаются тіунъ ратайный и староста ратайный. — „Кикахуть“ = хохотать, хихикать; Погодинъ сближалъ это слово съ нѣмец. kichern.

14) Въ Церковномъ Словарѣ Алексѣева говорится: „грай птичь, полетъ птичій, кой древніе суевѣрно примѣчали и будущее отъ того предвѣщали“. Но въ словѣ о полку Игоревѣ грай значитъ крикъ, преимущественно вороній.

15) Въ Литовскихъ Статутахъ слово „уесть“ значитъ укусить. Въ Опочецкомъ нарѣчіи *упжно* зн. сытно (Арх. Ист. и Практ. свѣд. V, стр. 63).

16) Въ подлинникѣ: „а сице и рати“. Не думаю, чтобы въ этомъ выраженіи могъ содержаться какой-нибудь смыслъ. Я подозрѣваю тутъ ошибку писца и читаю: „сицевой“, потому что въ такомъ лишь видѣ слово это образуетъ правильный переходъ къ слѣдующему затѣмъ разсказу о Всеславѣ.

17) „Клюка“ принадлежность калеки = костыль; индѣ такъ называютъ кочергу. — Боевой „борзый“ конь въ Словѣ называется „комонемъ“; а какъ Всеславъ представленъ въ каррикатурномъ видѣ, то здѣсь слово „конь“ употреблено въ смыслѣ, отличномъ отъ „комоня“, и именно для выраженія насмѣшки, слѣдовательно, въ немъ надобно понимать клячу.

18) Въ Туровскомъ Евангеліи, XI вѣка, пишется: „аще будетъ Пасха ѫтрь чтуться суботное отъ сихъ“, т. е. если будетъ Пасха ранняя. Въ томъ же смыслѣ и писатель Слова о полку Игоревѣ употребилъ слово „утръ“ въ отношеніи къ Всеславу, такъ какъ Новгородъ былъ взятъ послѣднимъ въ 1066 году, слишкомъ за годъ до овладѣнія Кіевскимъ столомъ.

19) Въ подлинникѣ: „воззни стрикусы“. Непонятное слово „воззни“ Погодинъ перемѣнялъ на „вонзи“, но такая замѣна совсѣмъ не помогаетъ дѣлу, за неизвѣстностью „стрикусовъ“. Соображая слово: „воззни“ съ „стрикусами“, я думаю, что писецъ, вмѣсто *п*, поставилъ *н*, и читаю: „воззпи“, т. е. возопи. Слово это, въ сокращенной формѣ, находится въ Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1138 годомъ: „людье Черниговци *возпиша* ко Всеволоду (П. С. лѣт. I, стр. 133). Погодинъ замѣчалъ: „*стрикусы*, вѣроятно, происх. отъ *стрѣкати*, колоть, бодать, сходно съ нѣм. Streitärte, бердыши, древнее любимое оружіе Германцовъ и Франковъ“. Другіе въ „стрикусахъ“ видѣли стѣнобитныя орудія. Но имѣя въ виду насмѣшливость, съ какою поэтъ изобразилъ Всеслава, я усматриваю въ стрикусахъ такое же иносказательное представленіе случайности, какое выражаютъ костыли = клюки, конь = кляча и палка = стружіе. По формѣ слова „стрикусы“ надобно заключать, что оно не русское, потому что отъ „стрѣкати“ произошли бы „стрѣкалы“, „стрикалы“, собственно бодила, спицы. Но едва ли можно присвоивать означенному слову нѣмецкое происхожденіе, такъ какъ, будучи взято съ нѣмецкаго, оно превратилось бы на русскомъ въ „стрѣтеры“. Всего скорѣе слово „стрикусы“ греческое στρίξ = филинъ, сова, почему Всеславъ, взревѣвшій стрикусами (воззпи стрикусы), т. е. по совиному, будетъ очень

похожъ на Всеслава, сидящаго на клячѣ и подпершагося костылями, съ палкою въ рукахъ, вмѣсто оружія.

20) Всеславъ взялъ Новгородъ въ 1066 году, и вѣроятно, изгономъ, нечаянно (воззпи стрикусы), потому что въ другой разъ Новгородцы успѣли встрѣтить его полкомъ.

21) Слова: „расшибе славу Ярославу“, безъ сомнѣнія, относятся къ Ярославову двору, который не могъ не потерпѣть раззоренія. Расшибить славу Ярослава совинымъ крикомъ — насмѣшка, равнозначущая завоеванію Кіевскаго стола костылями, клячею и палкою.

22) Немигою въ древности называли Нѣманъ (Ист. Гос. Рос., Карамзина, т. II, прим. 118, по втор. изд.). — Дудутки не упоминаются ни въ Словарѣ Щекатова, ни въ изслѣдованіи Неволина о пятинахъ Новгородскихъ. Тимковскій, со словъ Калайдовича, замѣчалъ, что „Дудутки есть мѣстечко вблизи Новагорода Великаго, и что упоминается тамъ монастырь на Дудуткахъ“ (Ск. Рус. Нар., кн. I, 71).

23) Въ подл. „чѣпи“, ошибкою вм. „чѣпы“ или чѣпа̀“. Цѣпъ — извѣстное молотильное орудіе, но здѣсь цѣпа̀ми названы иносказательно мечи.

24) „Токъ“ мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ.

25) „Болого“, въ другой формѣ „благо“. Въ евангельской притчѣ о богатомъ называются благами вообще плоды земные: „человѣку нѣкоему богату угобзися нива....и рече: се сотворю — разорю житницы моя и большія созижду.....и реку души моей: душе, имаши многа блага“ (Лук. 12, ст. 16—19). Въ поэмѣ слово „болого“ означаетъ хлѣбный посѣвъ. — Въ другомъ мѣстѣ поэмы говорится: „древо не бологомъ листвіе срони“, т. е. не добромъ, не вовремя, не къ добру. Слово это находится въ Русской Правдѣ въ статьѣ „о поклажахъ“: „а толко еси у меня положилъ, зане ему *болого* дѣлъ (дѣялъ) хоронилъ товаръ его“, т. е. дѣлалъ ему добро, храня товаръ его.

26) По нѣкот. „до кюръ“. Для объясненія этого слова Погодинъ указывалъ на чешск. kura и на Польск. kur = пѣтухъ, кочетъ, разсвѣтъ дня, до пѣтуховъ, на татарское „куръ“ = граница, на Польск. kurz, на Сербск. kuŕ = пыль, курево, откуда курень, и

заключалъ, что „до куръ“ можетъ значить до селеній Тмутороканскихъ. Но прежніе издатели поэмы вѣрнѣе опредѣляли значеніе этого слова, перелагая его выраженіемъ „до пѣтуховъ“ (Пожарскій). Тоже значеніе даетъ этому слову и г. Малышевскій (Жур. Мин. Нар. Пр. 1879, Августъ, стр. 254). Въ самомъ дѣлѣ выраженіе „до куръ“ было въ древности однимъ изъ суточныхъ терминовъ и соотвѣтствовало поздней ночи. Въ лѣтописи подъ 1152 годомъ читаемъ: „Петрови выѣхавшю изъ Галича, и бѣ ему уже вечеръ, и лежа въ Большевѣ, и яко бысть уже куромъ, и пригна дѣтскій изъ града къ Петрови“ (Пол. Собр. Лѣт., т. II, стр. 72), а подъ 1400 годомъ находится извѣстіе о смерти Тверскаго князя Михаила Александровича „длъгоночи въ куроглашенье“ (Тверск. Лѣтоп.). Выраженіемъ „до куръ“ писатель хотѣлъ иносказательно представить быстроту бѣгства Всеслава, который изъ Кіева мгновенно очутился въ Тмутороканѣ.

27) Не намекъ ли это на колокола, снятые Всеславомъ у святыя Софіи въ Новѣгородѣ, въ 1066 году?

28) „Притрепавъ“ славу дѣду своему, Изяславъ положилъ ее съ собою на смертную кровать и передъ нею обратился къ дѣду съ отчетомъ о судьбѣ войска. Слѣдовательно, онъ эту славу добылъ и съ собою унесъ въ могилу. Далѣе слово „притрепанъ“ значитъ изрубленъ, пораженъ. Въ другомъ мѣстѣ поэмы „потрепати“ означаетъ поласкать, потрясти на рукѣ. Слово „притрепа“ намѣкаетъ на то, что Изяславъ, своимъ патріотическимъ, благороднымъ подвигомъ принесъ честь своему дѣду, который подобными подвигами не отличался.

29) „Схоти“, отъ „хоть“ = жена, собственно значитъ: страстно положилъ съ собою.

30) Нѣкоторые читали: „носящимъ“; но тутъ нѣтъ смысла. Равнымъ образомъ нельзя читать: „ими какъ хоботами пашутъ“, потому что и здѣсь мало связи. „Хоботъ“ значитъ: хвостъ, ошибъ = οὐρᾶς (О. С. Р. И. С. Б. № 114 стр. 60); въ Апокал. гл. 12 ст. 4: ἡ οὐρά. „Пашутъ“ = машутъ; въ древнемъ переводѣ книги Притчей хвостъ (κέρκος) названъ: „опашъ“ (Опис. Рукоп. Мос. Синод. Библ., № 1—3, стр. 72); нынѣ „спахнуть“ = смахнуть; „опахнуло вѣтромъ“ = обду-

нуло вѣтромъ. По связи рѣчи, слово „имъ“ соотвѣтствуетъ слову „они“.

31) „Спала умь“ = вспало на умъ; „похоти“ = желаніе, влеченіе; „жалость“ = отъ *жаль* = сѣтованіе: „како *жаль* ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ *жалую* по Игорѣ“ — „не *жаль* ми есть за свою злобу пріяти нужная вся“ (Пол. Собр. Лѣт., т. II стр. 133, 134): Въ поэмѣ словомъ „жалость“ выражено страстное нетерпѣніе.

32) Далѣе въ поэмѣ упоминается „щекòтъ славій“, т. е. соловьиное пѣніе, сопровождаемое щелканіемъ. „Ущекотать“ = воспѣть по соловьиному.

33) Слово „чили“ здѣсь не подходитъ къ польскому czyli = или; оно тутъ значитъ: „чтòбы“, „кабы“, „этобы“.

34) Къ слову „комони“ Погодинъ указывалъ на Лаврентьевскую Лѣтопись, гдѣ упоминаются „сребро и комони“, а также на слова одной свадебной Осташковской пѣсни: „дворъ комоней изуставлено“.

35) По Погодину, Чешск. и Сербск. kmetie = царскіе совѣтники, старшины, слуги, а въ Малороссіи, Польской Украйнѣ и на Волыни „кметъ“ = исправный хозяинъ, зажиточный крестьянинъ. Но въ поэмѣ слово „кмети“ означаетъ хорошихъ воиновъ.

36) Погодинъ: „въ Курской губерніи *еруга* значитъ долъ, оврагъ“. *Яръ* = крутояръ, обрывъ, стремнина, оврагъ; — *яруга* = оврагъ, глубокая водороина, лощина (Изв. Инст. кн. Безбородко, XVIII, стр. 44).

37) Свистомъ, конечно, названъ вой и визгъ звѣрей. — Относительно выраженія „въ стазби“ Погодинъ предложилъ два объясненія: по его мнѣнію слово это если не греч. στάσις = становище, то не Сербское ли *стаза* или карніол. stada = стезя? Хотя и вѣроподобно указаніе на греческое слово, которое можно бы принять въ значеніи гнѣздилища звѣрей въ глуши лѣсной, но при этомъ выраженіе: „свистъ звѣринъ въ стазби“ не мѣшаетъ сопоставить съ находящимся въ древнемъ переводѣ книги пророка Наума выраженіемъ: „стая (τὸ κατοικητήριον) левьска“, которое въ нынѣшнемъ текстѣ передано словами: „виталище львовъ“. Изъ этого сопоставленія можно заключить, что слово: „стазбь“ выведено изъ совокуп-

ности словъ „стая и στάσις, представляющихся однозначущими, причемъ греческому слову дано русское окончаніе.

38) Въ другомъ мѣстѣ поэмы подъ словомъ „дивъ“ разумѣется воображаемое страшилище, наводящее страхъ, ужасъ. Но здѣсь этимъ словомъ обозначенъ филинъ, сидящій на деревѣ. Еще и нынѣ крикъ филина въ лѣсу считается за крикъ лѣснаго чудища, лѣшаго.

39) Погодинъ указывалъ на Чешск. balwan = кумиръ, истуканъ, божокъ. Въ рукописи XII—XIII в. „блаванъ“, „блъвтнъ“ значитъ столбъ: „на блаванѣхъ = ἐν στήλαις“, „блъванъ сланъ = στήλη“ (О. С. Р. М. С. Б. № 114 стр. 56 и 60, № 161 стр. 403). Далѣе въ поэмѣ замѣчено, что Игорь пошелъ поискати града Тмутороканя, которымъ въ старину владѣлъ его дѣдъ Олегъ Святославичъ и которымъ въ послѣдствіи овладѣли Половцы; отсюда надобно заключить, что болваномъ названъ Половецкій Тмутаранскій князь, котораго филинъ извѣщалъ о походѣ Игоря.

40) „Неготовыми“ = не существующими, т. е. не по дорогамъ, а цѣликомъ.

41) Сужденія о словѣ „рци“ помѣщены въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1839, Мартъ, въ прим. I, на стр. 246. По Погодину, „рци“ = словно.

42) „Шеломя“ = самая верхушка, послѣдній предѣлъ высоты, темя. Въ лѣтописи говорится: „шли бо бяхуть на ино мѣсто възлѣ Хоролъ; наворопници же перешедше Хоролъ, взыдоша *на шеломя*, глядающе, кдѣ узрятъ ѣ. Кончакъ же стоялъ у лузѣ, его ѣдущіи *по шоломяни* оминуша, иные же гаты узрѣвши удариша на нихъ“ (Пол. Собр. Лѣт. т. II, стр. 129). И такъ „шоломя“ есть пространное возвышеніе, валъ, по которому разъѣзжали наблюдательные отряды войска, почему Захорольское шоломя было граничнымъ валомъ, или нейтральною полосою между рубежами.

43) „Длъго ночь“ — одинъ изъ суточныхъ терминовъ, встрѣчающійся въ лѣтописяхъ. См. выше прим. 26.

44) „Запала“ = собственно: съ собою унесла.

45) Въ Кормчей паволокою называется покровъ, пелена, а въ

чинѣ царскаго вѣнчанія — покрывало, чехолъ (церк. Слов. Алексѣева). Паволоки упоминаются въ Несторовой лѣтописи.

46) „Оксамитъ", аксамитъ, отъ ἑξάμιτον, ткань, доселѣ не опредѣленная. Полагаютъ, что это былъ родъ бархата, который Поляки по сю пору называютъ aksamit. Въ XVII вѣкѣ аксамитъ и бархатъ описывали почти одинаково: „аксамитовъ золотныхъ и серебряныхъ, чтобъ земля была золото пряденое или серебро, а неволоченое, петелчатыхъ самыхъ добрыхъ старинного дѣла"—„бархатовъ фларенскихъ и венедцкихъ съ золотомъ и серебромъ, самыхъ добрыхъ петелчатыхъ, чтобъ земля была золото или серебро пряденое, аневолоченое, старинного дѣла" (Врем. Моск. О. И. и Д. Рос., кн. 9, нак. посл. стр. 65). Но Византійскій аксамитъ отличался отъ Венеціанскаго бархата, потому что послѣдній „оксамитили", обработывали на оксамитное дѣло, т. е. на подобіе аксамита.

47) Одежда, называвшаяся „орътъмою", въ другихъ памятникахъ нигдѣ не встрѣчается. Можетъ быть, и справедливо сближаютъ это слово съ греч. ἄρτημα = ожерелье. — „Япончица", вѣроятно, плащъ, попона. Еще въ недавнее время женщины носили „епанчи", плащи съ рукавами. Въ частныхъ письмахъ XVII вѣка „епанчею, япанчею" называется конская попона (Опис. Рукоп. Имп. Рус. Археол. Общ. ст. 47, 155). „Кожухи" нерѣдко встрѣчаются въ старинныхъ русскихъ актахъ: это кафтанъ, подбитый мѣхомъ. См. Опис. Оруж. Пал. Вельтмана, а также Опис. царск. утварей и одеждъ, П. И. Савваитова.

48) Значитъ, стягъ отличался отъ знамени (хоругви). — „Чолкою" называется пучокъ волосъ, выправляемый на лобъ (чело) коня. „Красная чолка" = бунчукъ, долго употреблявшійся казаками.

49) Погодинъ: „въ Чешск. переводѣ nebylon', т. е. не было оно". Выраженіе: небылонъ обидѣ порождено" я понимаю такъ: не было въ обиду предано.

50) Въ лѣтописи: „Кза"!

51) Т. е. Игоря, Всеволода, Владиміра Игоревича и Святослава Ольговича.

52) Т. е. перестала быть у шеломяни, ушла отъ шеломяни.

53) Въ вышеупомянутой рукописи 1263 года замѣчено: „тутнаніе рекше звекъ“; „тутнъ глаголъ“ значитъ громогласенъ; въ древнемъ же переводѣ Библіи гласы Божіи (громы) названы: „тутни Божіи“ (Оп. Сл. Рук. Мос. Син. Библ. № 1—4, ст. 15; № 54, стр. 23).

54) „Пороси“ = прахи.

55) „Боронь“ = оборона, потому что Всеволодъ, какъ видно изъ лѣтописи, еще защищался въ теченіи нѣкотораго времени послѣ пораженія Игоревыхъ полковъ.

56) „Поскепаны“ = расколоты, расщепаны.

57) Тутъ примѣтенъ пропускъ слова: „тъи бо“.

58) Въ Словѣ о полку Игоревѣ слово „хоть“ означаетъ жену, а „хотъ“ = любимца. Но въ одной рукописи 1499 года „хоть“ отличается отъ „ведовицы“: у Соломона было 700 ведовицъ, а 300 хотій (Оп. Слав. Рук. Моск. Син. Библ. № 1—3, стр. 40). Ведовица = ведомая = водимая = жена, а хоть = наложница и даже прелюбодѣйца (№ 129 стр. 149).

59) Въ Священномъ Писаніи словомъ „туга“ переведено греч. συνοχὴ, συνοχῆς = стѣсненіе, давленіе, удрученіе (Лук. 21: 25; 2 Кор. 2: 4). Слово „туга“ употреблено въ поэмѣ нѣсколько разъ.

60) Мнѣ кажется, что плесканіе обиды у моря и на Дону фигуральное повтореніе словъ: „Половци идутъ отъ моря и отъ Дона и со всѣхъ странъ“. Значитъ, обида пришла отъ моря и разразилась надъ Русью у Дона.

61) Слова „жирно“, „жиръ“ употребляются въ поэмѣ при обстоятельствахъ печальныхъ. Такъ: „печаль жирна тече средь земли Рускія“, т. е. печаль невыносимая; такъ Игорь „погрузи жиръ на дно Каялы рѣки, насыпавъ въ нее Русскаго злата“, т. е. потерю золота сопровождала печаль, а по просту: Игорь заставилъ народъ оплакивать утрату золота. По этому: „жирныя времена“ = тягостныя, невыносимыя, плачевныя времена.

62) Карна и Жля = геніи несчастій, вѣстники бѣдъ, миѳическое представленіе бѣдствій. Карна — не воронъ ли зловѣщій? Въ договорѣ Олега съ Греками одинъ изъ его пословъ называется „Карнъ“. Въ рукописи XIV—XV в. слово „кърна“ соотвѣтствуетъ

слову ὠτότμητον = съ отрѣзаннымъ ухомъ (О. С. Р. М. С. Б. № 153, стр. 262) — „Жля“ то же, что „желя“. Въ Ипат. Лѣтописи: „наведе на ны плачь и во веселья мѣсто желю“ (Пол. Собр. Лѣтоп. т. II стр. 131); значитъ: жля = желя = печаль, горесть, которую Жля разносила въ видѣ „смаги“. — Погодинъ: „смаги, по Малорос. губы, запекшіяся отъ жажды, по изъясненію г. Максимовича, жаръ“. Въ рукописи XIII в. слово „смажими“ значитъ συναλειφομένων = смѣшиваемы отъ „смазъ“ = смѣшеніе (О. С. Р. М. С. Б. № 155, стр. 305). Смага = os aridum; — оскомина, зависть въ яденіи; Словац. Smàha = nidor, Чеш. Brand, Smah = Durst и проч. (Изв. Инст. кн. Безбородко, т. III, стр. 255, 386). Въ Новоржевскомъ уѣздѣ *смага* значитъ позывъ на пищу, а въ Великолуцкомъ — *смажить* = жарить, приготовлять жаркое (Арх. Истор. и практ. свѣд. кн. V, стр. 59). Я полагаю, что „смага“ въ раскаленномъ рогѣ есть кипящее масло, горькія слезы, именно то, что называется „горючими слезами“. Дѣйствительно, въ слѣдъ за разнесеніемъ „смаги“ „жены Русскія въсплакашась“. Впечатлѣніе, произведенное слухомъ о гибели Игорева ополченія, изображено въ лѣтописи такъ: „посемъ же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера въ Посемье; то бо слышавше возмятошася города Посемьскіе, и бысть скорбь и туга люта, яко же николи же бывала во всемъ Посемьи и въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ и во всей волости Черниговьской: князи изымани и дружина изымана избита, и мятяхуться акы въ мотви, города воставахуть и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнози тогда отрекахуся душь своихъ, жалующе по князихъ своихъ“ (П. С. Лѣтоп. II, 132). Это-то и есть „смага“, разнесенная Карною и Жлею.

63) Сравнивая это мѣсто съ другимъ, гдѣ Ярославна говоритъ вѣтру: „чему мычеши Хиновьскія стрѣлкы на своею нетрудною крылцю“, нельзя не понять, что „мычючи“ значитъ разнося, а мычеши = несешь. Въ древнемъ переводѣ Библіи выраженіе: „молнія мыкающася“ значитъ мелькающая (διατρέχουσαι), по нынѣшнему тексту — протекающая (Опис. Слав. Рук. Моск. Синод. Библ. № 1—3, стр. 118). Въ Несторовой Лѣтописи слово „умыкаху“ означаетъ похищеніе (П. С. Л., I, 6).

64) Въ подл. „княже“, но я не думаю, чтобы это было безъ ошибочно: звательный падежъ тутъ вовсе нейдетъ, какъ не шелъ онъ и тогда, когда мѣсто это находилось въ другой части поэмы. — „Утрьпѣ“ собственно ущербнулъ, потемнѣлъ. По изъясненію Памвы Берынды: „утрьпаю“. значитъ боюсь, дрожу отъ боязни. Въ одней рукописи XVI в. выраженіе: „утрьпнѣтъ тѣло“ значитъ: ослабѣетъ тѣло (О. С. Р. М. С. Б., № 110. стр. 31).

65) „Бѣла“ единица древней цѣнности. Еще не опредѣлено, сколько она стоила въ XII вѣкѣ; по Новгородскимъ же писцовымъ книгамъ XV вѣка бѣла равнялась двумъ деньгамъ Новгородскимъ, т. е. 36 долямъ серебра, что составитъ на теперешнія наши деньги около 9 копѣекъ серебромъ.

66) Владиміръ Великій установилъ „по вся недѣли *на дворѣ въ гридницѣ* пиръ творити и приходити бояромъ и гридемъ и съцькымъ и десяцьскымъ и нарочитымъ мужемъ“; поэтому „гридница“ была сборная палата. Въ Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1216 годомъ, сказано: „изыма Новгородцы и Смолняны.... повелѣ въ погребы вметати ихъ, что есть Новогородцевъ, а иныхъ *въ гриднищу*, и ту ся издхоша, а иныхъ повелѣ затворити въ тѣснѣ избѣ“ (П. С. Л. I, 215). Итакъ „гридница“ — пустое строеніе, въ родѣ манежа, куда могли стекаться толпы людей для пировъ, и гдѣ могли содержаться арестанты. Въ 1470 году гридницею называли, просто, хлѣвъ; такъ въ Псковской первой лѣтописи сказано: „тѣмъ громомъ на Званицѣ у *коровьи гридницы* 7 человѣкъ молніею попали....а тѣхъ человѣкъ 7-ми, которыхъ молнія опалила, 4 человѣка отволочили, а три человѣки таки до смерти заразило, а иніи, *въ гридницы* которіи ни были, а тіи добры здоровы“. (IV т. П. С. Лѣт., стр. 235).

67) „Кають“ по нынѣшнему: „хаютъ“, опорочиваютъ, не одобряютъ.

68) Т. е. попалъ въ плѣнъ, въ неволю.

69) Т. е. кровать изъ тисоваго дерева. Тисъ, греч. σμῖλαξ, taxus, l'if, хвойное растеніе, встрѣчающееся мѣстами въ Крыму и на Кавказѣ. Оно идетъ на штучныя столярныя издѣлія; его называютъ иногда краснымъ и негніющимъ. Въ древнихъ рукописяхъ *ти-*

сомъ переведены съ греч. певкъ и кедръ (Опис. Слав. Рук. Моск. Синод. Библ. № 54 стр. 16 и № 114 стр. 57). Тиса насчитываютъ до 17 видовъ и полагаютъ, что онъ перенесенъ къ Славянамъ съ Рейна. Древность знакомства Славянъ съ тисомъ признаютъ безспорною (Изв. Инст. кн. Безбородко, Т. III, стр. 330, въ прилож.).

70) Въ лѣтописи Нестора говорится: „иде Олегъ на Грекы, Игоря оставивъ Кыевѣ, поя же множьство Варягъ и Словенъ и Чюди и Кривичи и Мерю и Поляны и Сѣверо и Деревляны и Радимичи и Хорваты и Дулѣбы и Тиверци, яже суть толковины; сіи вси звахуться Великая Скуѳь“ (П. С. Л. I, 12). Соображая съ этимъ извѣстіемъ „поганыхъ тлъковинъ“ Слова о полку Игоревѣ, можно заключить, что „толковины“ значитъ смѣсь племенъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго государства, и изъ нихъ некрещеные слыли за поганыхъ; ихъ пустые тулы — знакъ ихъ зависимости.

71) „Кнѣсъ“ = князекъ, верхъ надъ дверями.

72) Въ подл. „босуви“, но я считаю это опискою. Когда Святославъ разсказалъ свой сонъ боярамъ, то босувыхъ воронъ они объяснили Готскими дѣвами, поющими время Бусово; значитъ, Бусъ былъ предметомъ ихъ почитанія; принимая же Буса въ Кашинскомъ смыслѣ (см. примѣч. 79), можно заключить, что въ образѣ шумящихъ воронъ и готскихъ дѣвъ представлены миѳическія существа, подобныя древнимъ вакханкамъ, неистово пирующимъ въ честь Буса и въ славу Шарокана, месть котораго представлена въ образѣ дебри Кисановой, унесенной расходившимися воронами къ синему морю, гдѣ готскія дѣвы лелѣяли, ублажали, качали, холили Шароканову месть, разразившуюся надъ Игоремъ. По всему этому, кажется, надобно читать не „босуви врани“, а „бусови врани“, т. е. пьяныя, неистовыя, изступленныя. Выраженіе: „месть Шароканю“ означаетъ то, что побѣда надъ Игоремъ и отнятіе у него всего, ему принадлежавшаго и имъ пріобрѣтеннаго, составляетъ месть за одержанную въ 1107 году Русскими надъ Шаруканомъ побѣду, при которой „Шаруканъ старый едва утече, отбѣгоша же товара своего, еже взяша Рускіи вои, мѣсяца августа въ 12, и возвратишася всвояси съ побѣдою великою“ (П С. лѣтоп., Т. I, 120). Слово о полку Игоревѣ представляетъ

несчастіе Игоря возмездіемъ за несчастіе Шарукана. Конечно, нельзя сказать: помнили ли сами Половцы столь долго Шаруканову бѣду, но русскій писатель, знакомый съ лѣтописями сопоставляетъ съ бѣдствіемъ Игоря именно Шаруканово бѣдствіе 1107 года и возмездіе золотомъ Игоря за потерю Шаруканомъ Половецкаго золота, добытаго набѣгомъ на Русь, подобно золоту Игореву, добытому набѣгомъ на Половцовъ.

73) „Болонь“ „болонье“ = подгородное поле, выгонъ. Слово это встрѣчается въ хожденіи Даніила мниха; въ Никон. лѣтоп: „болонье около города зажгоша“; по Слов. Рос. Акад., болонье „лѣсъ, лѣсное мѣсто, дебрь“. Польск. błoń = лугъ, равнина (Погодинъ).

74) Въ подл.: „бѣша дебрь Кисаню и несошлю къ синему морю“. Въ словѣ: „не сошлю“ князь П. П. Вяземскій замѣтилъ ошибку такого рода: буква *ю* есть особое слово, мѣстоименіе, а *л* поставлено вм. *а;* по исправленіи этой ошибки вышло: „несоша ю“, выраженіе вполнѣ правильное, но не вполнѣ помогающее дѣлу. Остается непонятное слово „бѣша“, не имѣющее смысла въ составѣ рѣчи. Поставивъ это слово въ связь съ выраженіемъ: „несоша ю“ и перемѣнивъ его на слово „браша“, получимъ все мѣсто въ совершенно ясномъ видѣ: „брали дебрь и несли ее“.

75) Битва началась въ пятницу, а окончилась въ воскресенье.

76) Пардусъ упоминается во многихъ мѣстахъ Священнаго Писанія. Въ Церк. Словарѣ Алексѣева пардусъ объясняется такъ: „пардусъ, лат. рысь, звѣрь, съ греч. πανθηρ — пардалъ, греч. рысь, звѣрь; онъ же и пардусъ; — пардъ тоже, что и πανθηρ; индѣ пишется пардалей“. Слѣд. пардусъ = пантера = барсъ.

77) Здѣсь подъ словомъ: „хинови“ разумѣются не одни Половцы; въ другомъ мѣстѣ странами Хиновыми названы Литва, Ятвяги, Деремела и Половцы, изъ чего надлежитъ заключить, что названіе Хинъ не было народнымъ или племеннымъ, а означало народовъ полудикихъ, преимущественно тѣхъ, которые тревожили Русь набѣгами. Не взято ли слово „Хинъ“ съ греч. χήν, χηνός = гусь? Въ такомъ случаѣ слово „Хинъ“ могло бы означать стада дикихъ гусей, налетавшихъ съ крикомъ на благодатную землю Трояню. Въ Великолуц-

комъ нарѣчіи есть слово *хинарный*, соотвѣтствующее слову: лукавый (Арх. Ист. и практ. свѣд. V, стр. 64). Нѣтъ-ли чего общаго между этимъ словомъ и словомъ *хинъ*?

78) Въ образѣ Готскихъ дѣвъ поэтъ, мнѣ кажется, представилъ ликованія Половцовъ по случаю побѣды надъ Игоремъ. На Готскомъ берегу, вѣроятно, былъ обычай, по которому тамошнія дѣвы ликовали при возвращеніи своихъ воиновъ съ побѣдами. Во всякомъ случаѣ, Готскія дѣвы, какъ и другія метафоры, есть не что иное, какъ поэтическое представленіе (объ аллегорическомъ значеніи Готскихъ дѣвъ см. примѣч. 72).

79) Погодинъ указывалъ на Кашинское слово „бусъ“=пьяный и на „Бусовъ яръ“ на лѣвомъ берегу Донца, въ Волочанскомъ уѣздѣ. Къ Кашинскому значенію Буса очень подходятъ „бусовы врани“, всю ночь прошумѣвшія (см. примѣч. 72). По объясненію другихъ, *бусъ*=сыпучее вещество, пыль, земля (Изв. Инст. кн. Безбородко, XVIII, стр. 52).

80) „Шаруканъ старый“ сдѣлалъ въ 1107 году набѣгъ на Русь, но былъ разбитъ Русскими князьями и „едва утече“. Вѣроятно, несчастіе Игоря сочтено возмездіемъ за несчастіе Шарукана.

81) Погодинъ: „въ Чешск. и Кроат. kwiliti и czwiliti, ранить, поражать мечами, оскорблять, извлекать слезы. Въ Малорос. квилити, плакать. См. Волын. лѣтоп. „ати дѣтій не цвѣлитъ“. По нѣкоторымъ объясненіямъ, *цвилъ* значитъ плѣсень (Изв. Ист. Фил. Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, стр. 36), а по другимъ *цвиликъ* = затранезъ, въ Великолуцк. уѣздѣ (Арх. Ист. и Практ. свѣд. кн. V, стр. 64).

82) „Харалуга“ и производное отъ него „харалужный“ передаю словами „булатъ“, „булатный“ потому, что то и другое означаетъ закаленое желѣзо, сталь. Въ древнемъ переводѣ Премудрости І. Сирахова закаленое желѣзо названо: „оцѣлъ“ (στόμωμα) (Опис. Слав. Рук. М. С. Б. № 1—3, стр. 83).

83) „Власть“ въ другой формѣ „волость“.

84) „Быль“ доселѣ сохраняется въ словѣ „бо-быль“, одинокій, бездомный. Погодинъ указывалъ на переводъ Георгія Амартола, гдѣ сказано: „куръ посла быля своего“.

85) Для объясненія въ нѣкоторой степени значенія *Могутовъ*

можно указать на это слово въ древнемъ переводѣ Библіи, гдѣ между прочимъ находится изреченіе: „устрабляетъ с могутьми людскыми“; въ рукописи 1296 года это изреченіе передано словами: „посадить и с могущими людми“ (О. С. Р. М. С. Б., № 13, стр. 181). Въ Никоновской лѣтописи есть цѣлая повѣсть о разбойникѣ Могутѣ, подъ 1008 годомъ. Это, можетъ быть, преданіе объ одномъ изъ могутовъ.

86) Въ Ипат. Лѣтоп., подъ 1159 годомъ, упоминается Олбырь Шерошевичъ, мужъ Мстислава Изяславича, князя Переяславскаго. „Олбырь“, вѣроятно, то же, что и „Ольберъ“.

87) „Сдумаша Ольговы внуци на Половци, занеже бяху не ходили томъ лѣтѣ со всею княьею, но сами поидоша о себѣ, рекуще: мы есмы ци не князи же? такы же себѣ хвалы добудемъ“ (Пол. Собр. Лѣт., т. I, стр. 167).

88) Погодинъ: „въ Малорос. языкѣ *уримъ кричать* значитъ: рыдая кричать, навзрыдъ плакать“. Другіе слово „уримъ“ перелагаютъ „въ Римѣ“, хотя лѣтопись называетъ „Римовымъ“ городъ, раззоренный Половцами. Если „уримъ“ дѣйствительно самостоятельное слово, издревле существующее, то, въ сближеніи его съ Римовымъ, я вижу игру словъ, въ духѣ которой и перелагаю подлинникъ.—Кстати замѣчу, что въ Гадячской сотнѣ Нѣжинскаго полка находилась рѣка Ромъ или Рома, упоминаемая въ описи имѣній, принадлежавшихъ гетману Даніилу Апостолу; опись составлена въ 1731 году (Матер. для Отеч. Исторіи, изд. М. Судіенко, т. I, отд. III, стр. 41, 42, 49). Тамъ же упоминается село Ромецъ (стр. 113).

89) „Ногата“ единица кунныхъ цѣнностей. Въ XI и XII в. она была $^1/_{20}$ гривны. Въ XV вѣкѣ цѣнилась въ 7 денегъ Новгородскихъ, что, по вѣсу денегъ, составитъ около 32 коп. сер.

90) „Рѣзана“ единица кунныхъ цѣнностей. По Русской Правдѣ въ ногатѣ числилось $2^1/_2$ рѣзаны, такъ что рѣзана стоила не болѣе 13 коп. сер. по цѣнѣ XV вѣка,

91) „Шереширы“ сравниваютъ съ греч. σάρισσα = копье, пика (Погодинъ). Но это скорѣе стрѣлометная машина, издававшая шумъ, подобный шороху.

92) Объясняютъ это слово довольно сложно, принимая въ сооб-

раженіе слова: папорти или папорки, поперси, парю, подпираю, подпапорки и прапоры (Погодинъ). Но съ папорками, вѣрнѣе съ папоротками, едва ли имѣетъ что либо общее слово „папорзи“. Приборъ этотъ находился подъ шлемомъ, т. е. принадлежалъ къ нижней части шлема, а это, по всей вѣроятности, были подпруги, ремни, которыми шлемъ укрѣплялся на головѣ и которые застегивались пряжкою подъ подбородкомъ. Шлемы Романа и Мстислава отличались тѣмъ, что подпруги, папруги у нихъ были желѣзные.

93) По объясненію Цер. Словаря Алексѣева, сулица = копье, кинжалъ, кортикъ. У пророка Іезекіиля сулицы (πέλτα) упоминаются въ гл. 23 ст. 24.

94) Погодинъ: „зегзица, чешское *zgezica*, кокушка“. Вологодское слово „зогза“, вѣроятно, имѣетъ связь съ зегзицею. Въ иныхъ мѣстахъ кукушка называется *зезюля*, а въ Великолуцкомъ и Опочецкомъ уѣздахъ *загоска*. (Арх. И. и Пр. Свѣд., V, 37, 39).

95) Слѣдовательно, въ XII—XIII вѣкѣ нижняя часть Днѣпра находилась во власти Половцовъ.

96) Не „пресвѣтлое“ ли?

97) Въ подл. „Игорь спитъ“; но Погодинъ вѣрно замѣтилъ: „здѣсь пропущено *не*“.

98) Далѣе Влуръ, въ лѣтописи Лаворъ, Лавръ.

99) Слова: „князю Игорю не быть“ непонятны и не вяжутся съ рѣчью. Овлуръ, вѣроятно, приглашалъ Игоря спѣшить, не медлить.

100) Намекъ на то, что „Кончакъ поручися по сватѣ Игорѣ, зане бяшеть раненъ“ (Ипат. Лѣтоп.).

101) Рѣка Стугна впадаетъ въ Днѣпръ верстахъ въ 30 ниже Кіева.

102) „Полозію“ = ползью, ползкомъ.

103) „Боричевымъ взвозомъ“ называли въ древности одинъ спускъ съ горы къ Днѣпру, гдѣ былъ перевозъ; подъ Боричевымъ пристали къ берегу Древлянскіе послы, прибывшіе къ св. Ольгѣ; по Боричеву тащили идолъ Перуна и бросили его въ рѣку. Въ договорѣ Игоря съ Греками одинъ изъ пословъ именуется „Боричъ“, отъ котораго, вѣроятно, и произошло названіе „Боричева взвоза“.

ЛѢТОПИСЬ

къ Слову о полку Игоревѣ.

а) Ярославъ Владиміровичъ державствовалъ въ 1016—1053 г.

б) „Въ лѣто 6530 (1022). Въ си же времена Мьстиславу сущю Тмутороканю, поиде на Касогы. Слышавше же се князь касожьскый Редедя, изиде противу тому и ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: что ради губивѣ дружину межи собою, но съидевѣ ся сами бороть, да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣнье мое и жену мою и дѣти моя и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то возму твое все. И рече Мьстиславъ: тако буди. И рече Редедя ко Мьстиславу: не оружьемъ ся бьевѣ, но борьбою. И ястася бороти крѣпко, и на долзѣ борющемася има, нача изнемогати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мьстиславъ: о, пресвятая Богородице! помози ми; аще бо удолѣю сему, сзижю церковь въ имя твое. И се рекъ удари имъ о землю, и вынзе ножъ зарѣза Редедю; шедъ въ землю его, взя все имѣнье его, жену его и дѣти его и дань възложи на Касогы. И пришедъ Тмутороканю заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоитъ и до сего дне Тмуторокани“ (Пол Собр. Лѣт. т. I, стр. 63).

в) Въ 1077 году Романъ Святославичъ княжилъ въ Тмутороканѣ, а въ 1079 году привелъ Половцовъ къ Воину. Помирившись съ великимъ княземъ Всеволодомъ, Половцы на обратномъ пути убили Романа 2 августа (Изсл., зам. и лекціи Погодина, т. VI).

г) Олегъ Святославичъ, братъ Романа Святославича и кумъ Владиміра Мономаха, княжилъ въ Черниговѣ, потомъ во Владимірѣ, затѣмъ въ Тмутороканѣ; былъ сосланъ на островъ Родосъ, по возвращеніи съ котораго отнялъ у Мономаха Черниговъ. Принужденный удалиться оттуда, въ слѣдствіе ссоры съ князьями, онъ сталъ княжить въ Мурóмѣ, Ростовѣ и Суздалѣ, но и оттуда былъ выгнанъ. Наконецъ отчина отца его отдана была ему и его братьямъ. Онъ почти безпре-

рывно воевалъ во всю свою жизнь. Такъ въ 1076 году, по порученію отца, ходилъ на Чеховъ съ Мономахомъ; въ 1078 году приводилъ Половцовъ на Всеволода, но былъ разбитъ; въ 1094 году опять привелъ Половцовъ, при помощи которыхъ овладѣлъ Черниговомъ и которымъ позволилъ разорять страну; въ 1096 году бился съ Изяславомъ Муромскимъ; въ 1097 году побѣжденъ на Кулачскѣ; въ 1104 году ходилъ на Глѣба Минскаго; въ 1107 г. сражался съ Половцами; въ 1113 году опять ходилъ на Половцовъ съ Мономахомъ. Въ теченіе своей жизни онъ два раза отказался идти на Половцовъ (въ 1095 и 1103 г.), и два раза содѣйствовалъ заключенію мира съ ними (въ 1101 и 1108 г.). Въ 1115 году онъ участвовалъ въ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, и вскорѣ затѣмъ умеръ 1 августа.

д) Въ 1077 году Борисъ Вячеславичъ занялъ Черниговъ, но черезъ восемь дней долженъ былъ бѣжать въ Тмуторокань къ Роману Святославичу. Въ 1078 году, вмѣстѣ съ Олегомъ Святославичемъ, привелъ Половцовъ на Всеволода, который и былъ побѣжденъ, въ слѣдствіе чего Черниговъ достался побѣдителямъ. Когда же на выручку пришли ихъ дяди, Изяславъ и Всеволодъ, то „рече Олегъ къ Борисови: не ходивѣ противу, не можевѣ стати противу четыремъ княземъ, но послевѣ съ молбою къ строема своима. И рече ему Борисъ: ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ; похваливъся велми, не вѣдый яко Богъ гордымъ противится, смѣренымъ даетъ благодать, да не хвалится силный силою своею. И поидоста противу, и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нѣжатинѣ нивѣ, и сступившимся обоимъ, бысть сѣча зла: первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми“ (Пол. Собр. Лѣт. т. I, стр. 86).

е) „.....сына Вячеславля похвалившагося велми; Изяславу же стоящу въ пѣшцихъ и внезапу пріѣхавъ одинъ, удари и копьемъ за плече; тако убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославль....Убьенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца октября въ 3 день, и вземше тѣло его привезоша и въ лодьи и поставиша противу Городьцю; изиде противу ему весь городъ Кіевъ и възложивше тѣло его на сани повезоша и съ пѣснми попове и черноризьци понесоша и въ градъ“ (тамъ же).

ж) Всеславъ Брячиславичъ, князь Полоцкій, княжилъ съ 1044

года. Съ 1064 года онъ провелъ жизнь свою въ смутахъ и умеръ въ 1101 году. Лѣтописецъ представляетъ Всеслава далеко непривлекательнымъ, говоря о немъ: „его же роди мати отъ волхвованія, матери бо родивши его бысть ему язвено на главѣ его; рекоша бо волсви матери его: се язвено, навяжи на нь, да носитъ се до живота своего, еже носитъ Всеславъ и до сего дне на себѣ; сего ради немилостивъ есть на кровопролитье“ (тамъ же, стр. 67).

з) Въ 1066 году Изяславъ, преступивше крестъ, схватилъ Всеслава, привелъ его въ Кіевъ и „всади и въ порубъ съ двѣма сынома“. Въ слѣдующемъ году возмутившіеся Кіевляне заставили Изяслава бѣжать въ Ляхи и „высѣкоша Всеслава изъ поруба въ 15 день сентября и поставиша и средѣ двора княжа.... Всеславъ же сѣдѣ Кіевѣ“ (тамъ же, стр. 74).

и) Всеславъ княжилъ въ Кіевѣ семь мѣсяцовъ. Когда Изяславъ подходилъ къ Кіеву съ войскомъ, Всеславъ, выступивъ къ нему на встрѣчу, не рѣшился сразиться, но тайно ушелъ ночью отъ своего войска, стоявшаго въ Бѣлгородѣ.

і) „Въ лѣто 6574 приде Всеславъ и взя Новгородъ съ женами и дѣтьми; и колоколы съима у святыя Софіѣ. О, велика бяше бѣда въ часъ тъи! И понекадило съима“ (П. С. Л. III 2).

к) „Въ лѣто 6574 заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль Полотьскѣ, и зая Новъгородъ; Ярославичи же трое Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ. И придоша ко Мѣньску, и Мѣняне затворишася въ градѣ; си же братья взяша Мѣнескъ, и сѣкоша мужъ, а жены и дѣти взяша на щитъ; и поидоша къ Немизѣ, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизѣ мѣсяца марта въ 3 день, и бяше снѣгъ великъ, поидоша противу себѣ; и бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ; Всеславъ же былъ схваченъ, посаженъ въ порубъ, возведенъ на Кіевскій столъ и бѣжалъ изъ Бѣлгорода (П. С. Л. I, 72).

л) Изяславъ Васильковичъ въ лѣтописяхъ не упоминается.

м) Брячиславъ Васильковичъ и Всеволодъ Глѣбовичъ, его двоюродный братъ, княжили въ Изяславлѣ въ 1158 году.

н) Мѣстечко Городно находится въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губерніи, между рѣками Стырью и Горынью.

о) Въ лѣто 6686. Того же лѣта, мѣсяца августа, придоша иноплеменници на Рускую землю, безбожніи Исмаилтяне, окаяннїи Агаряне, нечистїи исчадья дѣломъ и нравомъ сотонины, именемъ Концакъ, злу началникъ правовѣрнымъ крестьяномъ, паче же всимъ церквамъ, идѣ же имя Божіе славиться, сими же погаными хулитьсѧ“ (П. С. Л. I, 121).

п) Рюрикъ Ростиславичъ, сынъ Ростислава Мстиславича, правнукъ Владиміра Мономаха, княжилъ сперва во Вручемъ (1169 г.), потомъ въ Новѣгородѣ (1173 г.), опять во Вручемъ (1174 г.); началъ искать Кіева въ 1172 г., но принужденъ былъ уступить Святославу Всеволодовичу (1177 г.); ходилъ на Литву и на Половцовъ. Затѣмъ трижды былъ великимъ княземъ Кіевскимъ: въ 1195—1202, въ 1203—1205 и въ 1206—1207 годахъ.

р) Давыдъ Ростиславичъ, братъ Рюрика, сперва княжилъ въ Вышегородѣ (1167—1180 г.), а потомъ въ Смоленскѣ (1180—1197 г.).

с) Дѣйствія Рюрика и Давыда представлены въ лѣтописи довольно вялыми. Когда великій князь Святославъ просилъ Давыда „постеречи землѣ Рускоѣ“, то Давыдъ всталъ у Треполя и стоялъ тамъ все время, пока Половцы управлялись съ Владиміромъ Глѣбовичемъ. Послѣдній, будучи израненъ, „слашеть ко Святославу и къ Рюрикови и къ Давыдови, и рече имъ: се Половци у мене, а помозите ми. Святославъ же слашеть къ Давыдови, а Давыдъ стоящеть у Треполя со Смолняны. Смолняне же почаша вѣча дѣяти, рекуще: мы пошли до Кіева, да же бы была рать билися быхомъ; намъ ли нынѣ рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемоглѣ. Святославъ же съ Рюрикомъ и со инѣми князьми влегоша въ Днѣпръ противу Половцемъ, а Давыдъ возвратися опять со Смолняны.... Володимеръ же слашеться ко Святославу Всеволодичю и къ Рюрикови Ростиславичю, понужая ихъ къ себѣ, да быша ему помоглѣ; они же опоздашася ожидающе Давыда Смолняны; и тако князѣ Рускоѣ опоздишася и не заѣхаша ихъ“ (П. С. Л. II, 132, 133).

т) Игорь Святославичъ, внукъ Олега Святославича, княжилъ въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ въ 1178—1198 годахъ.

у) „Въ лѣто 6694 мѣсяца маія въ 1 день, на память святаго пророка Іереміи, въ среду на вечерни, бысть знаменье въ солнци, и морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти, человѣкомъ въ очью яко зелено бяше и въ солнци учинися яко мѣсяць, изъ рогъ его яко угль жарокъ исхождаше: страшно бо видѣти человѣкомъ знаменье Божіе“ (П. С. Л. I, 167). По астрономической таблицѣ въ L'Art de Vérifier les Dates затмѣніе это опредѣлено въ 1185 году, т. е. согласно съ Первою Новгородскою и другими лѣтописями, упомянувшими явленіе подъ 6695 годомъ. Затмѣніе было полное и происходило въ 1 часу по полудни париж. времени, слѣдовательно въ 3 часу дня по кіевск. времени. Затмѣніе это случилось уже во время похода Игорева (см. слѣд. примѣч.).

ф) „Въ то же время (1185 г.) Святославичь Игорь, внукъ Ольговъ, поѣха изъ Новагорода мѣсяца апрѣля въ 23 день, во вторникъ, поимя съ собою брата Всеволода изъ Трубческа, и Святослава Ольговича сыновця своего изъ Рыльска, и Володимера сына своего изъ Путивля и у Ярослава испроси помочи Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ коуи черниговьскими; и тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою: бяхуть бо у нихъ кони тучни велми. Идущимъ же имъ къ Донцю рѣкы, въ годъ вечерній, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяцъ, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: видите ли, что есть знаменіе се? Они же узрѣвше и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: княже, се есть не на добро знаменіе. Игорь же рече: братья и дружино! тайны Божія никто же не вѣсть, а знаменію творець Богъ и всему міру своему; а намъ что створить Богъ или на добро или на наше зло, а то же намъ видити“ (П. С. Л., II, 129, 130). — „Того же лѣта сдумаша Ольговы внуци на Половци; занеже бяху не ходили томъ лѣтѣ со всею князьею, но сами поидоша о себѣ, рекуще: мы есмы ци не князи же? такы же себѣ хвалы добудемъ. И сняшася у Переяславля Игорь съ двѣма сынома изъ Новагорода Сѣверьскаго, изъ Трубеча Всеволодъ, братъ его, Ольговичь Святославъ изъ Рыльска, и Черниговьская помочь, и внидоша въ землю ихъ“ (тамъ же, т. I, стр. 167).

х) Всеволодъ Святославичъ, князь Трубечскій, умеръ въ

1196 году. Онъ нѣсколько разъ участвовалъ въ походахъ на Половцовъ.

ц) „.....пребреде Донець, и тако пріиде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода: тотъ бяше шелъ инымъ путемъ изъ Курьска; и оттуда поидоша къ Салницѣ; ту же къ нимъ и сторожевѣ пріѣхаша, ихже бяхуть послалѣ языка ловить; и рекоша пріѣхавше: видихомся съ ратными, ратници ваши со доспѣхомъ ѣздять; да или поѣдите борзо, или возворотитеся домовь, яко не наше есть время“ (П. С. Л., II, 130).

ч) „.....Игорь же рече съ братьею своею: оже ны будеть не бившеся возворотитися, то соромъ ны будеть пущей смерти; но како ны Богъ дасть. И тако угадавше, и ѣхаша черезъ ночь“ (тамъ же).

ш) Здѣсь затмѣніе упомянуто въ своемъ мѣстѣ, такъ какъ оно случилось во время похода; см. выше извѣстіе подъ буквою *у*.

щ) „.....тако угадавше и ѣхаша черезъ ночь. Заутра же пятку наставшу, во обѣднее веремя, усрѣтоша полкы Половецкіѣ: бяхуть бо до нихъ доспѣлѣ, вѣжѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика стояхуть на оной сторонѣ рѣки Сюурлія. И ту изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а по праву брата его Всеволожъ, а по лѣву Святославлѣ сыновця его, напередѣ ему сынъ Володимеръ и другій полкъ Ярославль, иже бяху съ Ольстиномъ коуеве, а третій полкъ напереди же стоящи, иже бяхуть отъ всихъ князій выведени; и тако изрядивше полкы своя. И рече Игорь братьи своей: братья! сего есмы искалѣ, а потягнемъ. И тако поидоша къ нимъ, положаче на Бога упованіе свое. И яко быша къ рѣцѣ ко Сюурлію и выѣхаша изъ Половецкихъ полковъ стрѣлци и пустивше по стрѣлѣ на Русь, и тако поскочиша. Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюурліи; поскочиша же и ти Половци силы Половецкія, которые же далече рѣкы стояхуть. Святославъ же Ольговичъ и Володимеръ Игоревичъ и Ольстинъ съ коуи и стрѣлци потекоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ по малу идяста, не роспустяста полку своего; передніи же ти Русь биша ѣ, имаша, Половцѣ же пробѣгоша вѣжѣ, и Русь же дошедше вѣжь и ополонишася, друзіи же ночь пріѣхаша къ полкомъ съ полономъ“ (П. С. Л., II, 130).—„Половци же услы-

шавше поидоша рекуще: братья наша избита и отци наши, а друзіи изымани, а се нонѣ на насъ идуть; послашася по всей земли своей, а сами поидоша къ симъ, и ждаша дружины своея, а си къ нимъ идуть къ вѣжамъ ихъ, они же не пустяше къ вѣжѣ срѣтоша ихъ, а дружины не дождавше, и ступишася, и побѣждени бывше Половци; и биша я до вѣжь, множство полона взяша, жены и дѣти. И стояша на вѣжахъ 3 дни веселяся, аркуще: братья наша ходили съ Святославомъ великимъ княземъ, и билися съ ними зря на Переяславль; а они сами къ нимъ пришли, а въ землю ихъ не смѣли къ нимъ ити; а мы въ земли ихъ есмы и самѣхъ избили, а жены ихъ полонены и дѣти у насъ; а нынѣ поидемъ за Донъ и до конца избіемъ ихъ; оже ны будеть ту побѣда, идемъ по нихъ и (до) луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши; а возмемъ до конца свою славу и честь. А не вѣдуче Божія строенья. А остатокъ бьеныхъ тѣхъ бѣжаша дружинѣ своей, гдѣ бяху переже вѣсть послали, и сказаша имъ свою погибель“ (тамъ же, I, 167, 168).

ъ) „И яко собрашася Половци вси, и рече къ братома и къ дружинѣ своей: се Богъ силою своею возложилъ на враги наша побѣду, а на насъ честь и славу; се же видихомъ полки Половецкіи оже мнози суть, ту же ци вся си суть совокупили; нынѣ же поѣдемъ черезъ ночь, а кто поѣдетъ заутра по насъ, то ци вси поѣдутъ, но лучьшіи коньници переберуться, а самѣми какъ Богъ дасть. И рече Святославъ Ольговичь строема своима: далече есмь гонилъ по Половцехъ, а кони мои не могуть; аже ми будеть нынѣ поѣхати, то толико ми будеть на дорозѣ остати. И поможе ему Всеволодъ, яко же облечи ту. И рече Игорь: да не дивно есть разумѣ ци, братья умрети. И облегоша ту“. (П. С. Л., II, 130).

ы) „Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полци Половецкіи, акъ борове; изумѣшася князи Рустіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ бесчисленое множество. И рече Игорь: се вѣдающе собрахомъ на ся землю всю, Концака, и Козубурновича, и Токсобица, Колобича, и Етебича, и Терьтробича“ (тамъ же, стр. 130, 131).

ь) „И тако угадавше, вси ссѣдоша съ коней, хотяхуть бо бьющеся доити рѣкы Донця; молвяхуть бо: оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а

черныи люди оставимъ, то отъ Бога ны будеть грѣхъ сихъ выдавше; поидемъ, но или умремъ или живи будемъ на единомъ мѣстѣ. И та рекше вси ссѣдоша съ коней и поидоша бьющеся; и тако Божіимъ попущеніемъ уязвиша Игоря въ руку и умртвиша шуйцю его, и бысть печаль велика въ полку его, и воеводу имяхуть, тотъ напереди язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту днину до вечера, и мнози ранени и мертви быша въ полкохъ Рускихъ; наставши же нощи суботніи и поидоша бьючеся; бысть же свитающи недѣлѣ возмятошася ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бяшеть въ то время на конѣ, зане раненъ бяше, пойде къ полку ихъ, хотя возворотити къ полкомъ; уразумѣвъ же, яко далече шелъ есть отъ людій, и соймя шеломъ погна опять къ полкомъ того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никто же, но токмо Михалко Гюргевичь познавъ князя возворотися: не бяхуть бо добрѣ смялися съ ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярьскихъ, добри бо вои бьяхуться идуще пѣши, и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ, и ту яша, единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видилъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья въ руку его не доста, и бьяху бо ся идуще вкругъ при езерѣ. И тако въ день святаго Воскресенія наведе на ня Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселья мѣсто желю, на рѣкѣ Каялы [1]). Рече бо дѣи Игорь: помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитье створихъ въ землѣ крестьяньстѣй, яко же бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвинніи хрестьяни отлучаеми отець отъ роженій своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ

---

[1]) Нынѣ *Кагальникъ*. Но есть два Кагальника, одинъ въ Екатеринославской губерніи, впадающій въ Азовское море въ 3 верстахъ отъ Азова, а другой въ землѣ Войска Донскаго, впадающій въ Донъ.

матерій своихъ, и подруга отъ подруги своея, и все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшею, живыи мертвымъ завидять и мертвіи радовахуся, яко мученици святѣи огнемъ отъ жизни сея искушеніе пріемши, старцѣ порѣвахуться, уноты же лютыя и не милостивыя раны подъяша, мужи же пресѣкаеми и разсѣкаеми бывають, жены же оскверняеми; и та вся створихъ азъ, рече Игорь, недостойно ми бяшеть жити; и се нынѣ вижю отместье отъ Господа Бога моего; гдѣ нынѣ возлюбленый мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо рожденія моего? гдѣ бояре думающѣи, гдѣ мужи храборьствующѣи, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньныя? не ото всего ли того обнажихся и связня преда мя въ рукы беззаконьнымъ тѣмъ. Се возда ми Господь по беззаконію моему и по злобѣ моей на мя и снидоша днесь грѣси мои на главу мою. Истиненъ Господь и прави суди его зѣло, азъ же убо не имамъ со живыми части; се нынѣ вижю другая мученія вѣньца пріемлюще, почто азъ единъ повиньный не пріяхъ страсти за вся си! Но Владыко Господи Боже мой! не отрини мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ рабомъ твоимъ. И тогда кончавшуся полку, розведени быша и пойде кождо во своя вѣжа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именемъ Чилбукъ, а Всеволода брата его ялъ Романъ Кзичь, а Святослава Ольговича Елдечюкъ въ Вобурчевичахъ, а Володимера Копти въ Улашевичихъ. Тогда же на полчищи Кончакъ поручися по свата Игоря, зане бяшеть раненъ. Отъ толикихъ же людій мало ихъ избысть нѣкакимъ полученіемъ, не бяшеть бо лзѣ ни бѣгающимъ утечи, зане яко стѣнами силными огорожени бяху полкы Половецькими; но нашихъ Руси съ 15 мужь утекши, а ковуевъ мнѣе, а прочіи въ морѣ истопоша“ (П. С. Л., II, 131, 132).

ѣ) „Въ лѣто 6691. Того же лѣта Богъ вложи въ сердце Святославу, князю Кіевскому и великому князю Рюрикови Ростиславичю поити на Половци; и посласта по околніи князи. И совокупишася съ ними: Святославича Мьстиславъ и Глѣбъ, и Володимеръ Глѣбовичъ изъ Переяславля, Всеволодъ Ярославичъ изъ Лучьска съ братомъ Мьстиславомъ, Романовичь Мьстиславъ, Изяславъ Давыдовичъ и Городеньскій Мьстиславъ, Ярославъ князь Пиньскій съ братомъ

Глѣбомъ, изъ Галича отъ Ярослава помочь; а своя братья не идоша, рекуще: далече ны есть ити внизъ Днѣпра, не можемъ своеѣ земли пусты оставити, но же поидеши на Переяславль, то скупимся съ тобою на Сулѣ. Святославъ же не любуя на свою братью поиде поспѣшая путь свой, и поущаемъ Божіимъ промысломъ; тѣмъ старѣйшіи его сынове не утягоша изъ Черниговьской сторонѣ; идущю же ему по Днѣпру и ста ту, идѣ же нарѣцается Инжирь бродъ, и ту пребродися на ратьную сторону Днѣпра и 5 днїй искаша ихъ. Туже отряди моложьшеѣ князѣ передъ своими полкы, отряди же Володимера Переяславьского, и Глѣба и Мьстислава сына своего и Романовича Мьстислава и Глѣба Гюрьгевича князя Дубровицьского и Мьстислава Володимерича, а Берендѣевъ съ нимъ было 2100. Половци же узрѣвше Володимерь полкъ, крѣпко идущь на нихъ, и побѣгоша, гоними гнѣвомъ Божіимъ святѣи Богородицѣ; онимъ же ѣхавшимъ по нихъ не постигъше возворотишася Русь, и стояша на мѣстѣ, нарѣцаемѣмъ Ерель, его же Русь зоветь Усолъ. Половецкый же князь Кобякъ, мнѣвъ толко Руси, возвратися и погна во слѣдъ ихъ; идущимъ же имъ по нихъ, узрѣша полци Рустѣи, начашася стрѣляти о рѣку и начаша межю собою перегонити, и бысть имъ того на долзѣ. Слышавъ же Святославъ и Рюрикъ, и пустиста имъ болшіе полкы на помочь, а сами поидоста за ними поспѣвающа; яко же узрѣша Половци помочныя полкы, и мнѣша ту Святослава и Рюрика, абье поскочиша; Русь же пріимше помощь Божію, и въвертѣшася въ нѣ, и начаша ѣ сѣчи и имати. И тако створи Господь милость хрестьяномъ, въ тый же день возвеличи Богъ князя Святослава и Рюрика за вѣру ею; и ту яша Кобяка Карлыевича съ двѣима сынома, Билюковича Изая, и Товлыя съ сыномъ, и брата его Бокмиша, Осалука, Барака, Тарха, Данила и Съдвака Кулобичкого, яша жъ и Корязя Калотановича, ту убиша и Тарсука и инѣхъ безъ числа. Створи же Богъ побѣду сю мѣсяца іюля въ 30, въ понедѣльникъ, въ память святаго Ивана Воиника. Великій же князь Святославъ Всеволодовичь и Рюрикъ Ростиславичь пріемши отъ Бога на поганыя побѣду и возвратишася во свояси съ славою и честію великою“ (П. С. Л., II, 127, 128).

э) „Поганіи же Половци побѣдивше Игоря съ братьею, и взяша

гордость велику и съвокупиша весь языкъ свой на Рускую землю; и бысть у нихъ котора; молвяшеть бо Кончакъ: поидемъ на Кіевскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великый князь нашъ Бонякъ; а Кза молвяшеть: поидемъ на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ, емлемъ же городы безъ опаса. И тако раздѣлишася на двое: Кончакъ поиде къ Переяславлю и оступи городъ и бишась ту весь день.... А друзіи Половци идоша по оной сторонѣ къ Путивлю Кза у силахъ тяжькихъ, и повоеваша волости ихъ и села ихъ пожгоста, пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася во свояси" (П. С. Л. II, 132, 133).

ю) „Въ то же время великый князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшеть въ Корачевъ и собирашеть отъ верхънихъ земль вои, хотя ити на Половци къ Донови на все лѣто. Яко возворотися Святославъ и бысть у Новагорода Сѣверьскаго и слыша о братьи своей, оже шли суть на Половци, утаившеся его, и не любо бысть ему. Святославъ же идяше въ лодьяхъ и яко приде къ Чернигову и во тъ годъ прибѣже Бѣловолодъ Просовичь и повѣда Святославу бывшее о Половцѣхъ: Святославъ же то слышавъ и велми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ, и рече: о, люба моя братья и сынове и мужѣ землѣ Рускоѣ! Далъ бы ми Богъ притомити поганыя, но не воздержавше уности отвориша ворота на Рускую землю; воля Господня да будеть во всемъ! да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемъ" (П. С. Л. II, 132).

я) „Посемъ же посла Святославъ ко Давыдови Смоленьску, река: рекли быхомъ поити на Половци и лѣтовати на Донѣ; нынѣ же Половци се побѣдилѣ Игоря и брата его сыномъ, а поѣди, брате, постерези землѣ Рускоѣ. Давыдъ же поиде по Днѣпру, придоша же ины помочи и сташа у Треполя, а Ярославъ въ Черниговѣ совокупивъ вои свои стояшеть. Поганіи же Половци, побѣдивше Игоря....." далѣе см. выше подъ буквою э., а также сообр. извѣстіе подъ буквою с.

ѳ) По разбитіи Игоря „Кончакъ поиде къ Переяславлю и оступи городъ и бишася ту весь день. Володимеръ же Глѣбовичъ бяше князь въ Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣпокъ на рати выѣха изъ го-

рода и потче къ нимъ, и по немъ мало дерьзнувъ дружинѣ, и бися съ ними крѣпко, и обступиша мнозіи Половцѣ, тогда прочіи видивше князя своего крѣпко бьющася, выринушася изъ города, и тако отъяша князя своего, язвена сущи треми копьи. Сей же добрый Володимеръ язвенъ труденъ въѣха въ городъ свой и утре мужественнаго пота своего за отчину свою..... Тѫ слышавше Половци, и возвратишася отъ Переяславля, идуще же мимо приступиша къ Римови, Римовичи же затворишася въ городѣ и возлѣзше на забралѣ, и тако Божіимъ судомъ летѣста двѣ городници съ людми тако къ ратнымъ и на прочая гражаны найде страхъ, да которые же гражане вынидоша изъ града и бьяхуться ходяще по Римьскому болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся осталъ въ городѣ и тѣ вси взяти быша“ (П. С. Л. II, 132, 133).

v) Всеволодъ Юрьевичъ, великій князь Владимірскій, Суздальскій и Ростовскій (1176—1212 г.) „много мужствовавъ и дерзость имѣвъ, на бранехъ показавъ, украшенъ всѣми добрыми нравы, злыя казня, а добромысленыя милуя: князь бо не туне мечь носитъ. Сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изиде слухъ его и вся зломыслы его вда Богъ подъ руцѣ его“ (Изсл.; зам. и лекціи Погодина, Т. VI, стр. 178).

аа) Рязанскіе князья Романъ, Игорь, Володиміръ, Всеволодъ, Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи. Они были въ полномъ послушаніи у великаго князя Всеволода Юрьевича.

бб) См. выше подъ буквами *n* и *p*.

вв) Ярославъ Владимірковичъ княжилъ въ Галичѣ въ 1152—1187 г. На его дочери былъ женатъ герой поэмы Игорь Святославичь. Онъ говорилъ „мужемъ своимъ: се азъ единою худою моею головою ходя, удержалъ всю Галицкую землю“ (Погодинъ).

гг) Романъ Мстиславичь, князь Владиміра Волынскаго (1172—1205 г.), провелъ жизнь свою въ постоянныхъ войнахъ; воевалъ и съ Ляхами. Его описывали такъ: устремлялся на поганыхъ какъ левъ; сердитъ былъ какъ рысь и губилъ какъ крокодилъ, проходилъ землю ихъ какъ орелъ, а храбръ былъ какъ туръ (Погодинъ). —

Мстиславъ Ярославичь, князь Луцкій, участвовалъ въ 1183 году въ походѣ князей на Половцовъ.

дд) Вѣроятно, Святославъ Кіевскій и Ярославъ Черниговскій Всеволодовичи. Сообр. выписку подъ буквою *я*.

ее) Ингварь Ярославичь, князь Волынскій, въ 1180 году помогалъ Рюрику Ростиславичу противъ Святослава Всеволодовича, а въ 1202 году посаженъ въ Кіевѣ. Въ 1214 году княжилъ въ Луцкѣ.— Братъ его, Всеволодъ Ярославичь, князь Луцкій, въ 1183 году участвовалъ въ походѣ князей на Половцовъ.

жж) Какіе это Мстиславичи, сказать трудно. По видимому, въ то время, когда писано Слово о полку Игоревѣ, они были еще молоды.

зз) „Игорь же Святославичъ тотъ годъ бяшеть въ Половцехъ и глаголаше: азъ по достоянію моему воспріяхъ побѣду отъ повелѣнія твоего, Владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ; не жаль ми есть за свою злобу пріяти нужная вся, ихъ же есмь пріялъ азъ. Половци же аки стыдящеся воевѣдъства его и не творяхуть ему, но приставиша къ нему сторожовъ 15 отъ сыновъ своихъ и господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20, но волю ему даяхуть, гдѣ хочетъ ту ѣздяшеть, и ястребовъ ловяшеть, а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 съ нимъ ѣздяшеть, сторожевѣ же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его и гдѣ послашеть кого, безъ пря творяхуть повелѣное имъ. Попа же бяшеть привелъ изъ Руси къ собѣ со святою службою: не вѣдяшеть бо Божія промысла, но творяшеться тамо и долго быти. Но избави и Господь за молитву хрестьяньску, имъ же мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему въ Половцехъ, тамо ся налѣзе мужь, родомъ Половчинъ, именемъ Лаворъ, и тотъ пріимъ мысль благу, и рече: поиду съ тобою въ Русь. Игорь же исперва не имяшеть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мышляшеть бо емше мужъ и бѣжати въ Русь; молвяшеть бо: азъ славы дѣля не бѣжалъ тогда отъ дружины, и нынѣ неславнымъ путемъ не имамъ поити. Съ нимъ бо бяшеть тысячкого сынъ и конюшій его, и та нудяста и, глаголюща; поиди, княже, въ землю Рускую, аще восхощетъ Богъ, избавитъ тя; и не угодися ему время таково, какого же искашеть. Но яко же прежде рекохомъ, возвратишася отъ

Переяславля Половци, и рекоша Игореви думци его: мысль высоку и неугодну Господеви имѣешь въ собѣ, ты ищеши няти мужа и бѣжати съ нимъ, а о семъ чему не разгадаешь, оже пріѣдуть Половци съ войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князей васъ и всю Русь, да не будеть славы тебѣ, ни живота. Князь же Игорь пріимъ въ сердце съвѣтъ ихъ, уполошася пріѣзда ихъ и возъиска бѣжати: не бяшеть бо ему лзѣ бѣжати въ день и въ нощь, иже сторожеве стрежахуть его, но токмо и веремя таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврови конюшого своего, рѣка ему: переѣди на ону сторону Тора [1]) съ конемъ поводнымъ: бяшеть бо съвѣчалъ съ Лавромъ бѣжати въ Русь. Въ то же время Половци напилися бяхуть кумыса, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюшій повѣда князю своему Игореви, яко ждетъ его Лаворъ. Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ и поклонися образу Божію и кресту честному, глаголя: Господи сердцевѣдче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго? и возмя на ся крестъ, икону и подойма стѣну и лѣзе вонъ, сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сій же ко рѣцѣ и перебредѣ, и всѣдѣ на конь и тако поидоста сквозѣ вѣжа. Се же избавленіе створи Господь въ пятокъ, въ вечерѣ. И иде пѣшь 11 денъ до города Донца“. (П. С. Л. II, 133 134).

ии) Ростиславъ Всеволодовичь, меньшой братъ Владиміра Мономаха, князь Переяславскій. Въ 1093 году Половцы разбили на рѣкѣ Стугнѣ выступившихъ противъ нихъ: великаго князя Святополка, Мономаха и Ростислава, — „наступиша на Володимера, и бысть брань люта, побѣже и Володимеръ съ Ростиславомъ, прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ, и вбредѣ Володимеръ съ Ростиславомъ, нача утопати Ростиславъ предъ очима Владимерима; и хотя похватити брата своего, и мало не утопе самъ. И утопе Ростиславъ сынъ Всеволожъ (П. С. Л., I, 91). Ростиславъ родился въ 1079 году, слѣдовательно, утонулъ 24 лѣтъ отъ роду.

ii) Изъ выписки подъ букв. *зз* видно, что Половцы имѣли на-

---

[1]) Рѣка Торъ впадаетъ въ С. Донецъ, ниже города Славянска, протекая Изюмскій уѣздъ Харьковской губерніи.

мѣреніе избить плѣнныхъ князей, но какъ всѣ они возвратились домой невредимыми, то поэма справедливо выставляетъ на видъ, что не всѣ половецкія власти были на сторонѣ избіенія.

кк) Намекъ на женитьбу Владиміра Игоревича на Кончаковнѣ: „тогда же (1187) приде Володимиръ изъ Половецъ съ Кончаковною, и створи сватбу Игорь сынови своему и вѣнча его и съ дѣтятемъ“ (П. С. Л. II, 136).

лл) „. . . . . иде во свой Новъгородъ, и обрадовашася ему; изъ Новагорода иде къ брату Ярославу къ Чернигову, помощи прося на Посемье, Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща; Игорь же оттолѣ ѣха къ Кіеву къ великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ сватъ его“ (П. С. Л. II, 134).

ДОБАВЛЕНІЯ.

1) Къ слову *Троянъ*, на стр. 17—19. Яупустилъ изъ вида относящееся къ настоящему вопросу замѣчаніе г. Гербеля. Указывая на знаменитую Траянову дорогу, на Траянову провинцію, на Траяновъ валъ, онъ говоритъ: „однако все это еще не можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ того, что пѣвецъ Игоря подъ словомъ Троянъ разумѣлъ римскаго императора. Основательнѣе другихъ предположеніе покойнаго Полеваго, что Троянъ здѣсь не римскій императоръ, а что-нибудь такое, чему надо искать объясненій на Руси: такъ Владиміръ первый названъ Трояномъ въ одномъ чешскомъ памятникѣ. Къ сожалѣнію, Полевой не упомянулъ о названіи этого памятника“ (стр. 140, по втор. изд.). — Что на Руси Троянъ имѣлъ какое-то значеніе, доказывается это производствомъ отъ его имени названій нѣкоторыхъ, поселеній; такъ въ словарѣ Щекатова упомянуты: 1) *Трояновъ*, или *Трояновка*, мѣстечко въ Волынской губерніи, въ 330 верстахъ отъ Житоміра; 2) *Трояново*, село въ Дмитровскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, на рѣчкѣ Растарогѣ. Изслѣдователи Слова ука-

зываютъ еще на село *Трояны* Смоленской губерніи. Названія эти не означали-ли посвященія мѣстъ Трояну, въ честь котораго могли когда нибудь отправляться тамъ особыя празднества? Любопытно бы изслѣдовать преданія и повѣрья означенныхъ мѣстностей и отыскать указываемый Полевымъ чешскій памятникъ.

2) Къ слову *Чага* (на стр. 22). а) Въ камчатскомъ нарѣчіи, *чага* значитъ березовая губка, твердый трутъ, растущій на живой березѣ, употребляется вездѣ для присѣканія огня (Москвит., 1842, кн. III, стр. 257). Вѣроятно, эту самую *чагу* старинный лечебникъ совѣтуетъ употреблять отъ удушья. б) Въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1170 годомъ, повѣтствуется: „Бастіи же и иніи мнози гониша по нихъ (т. е. по Половцахъ) и за Въсколъ, бьюче и; и толико взяша полона множьство, якоже всимъ рускимъ воемъ наполнитися до изообилья, и колодники, и *чагами*, и дѣтми ихъ (т. е. Половцовъ), и челядью, и скоты и конми“ (Пол. Собр. Лѣт., II, стр. 98). Здѣсь слово *чага* означаетъ разрядъ людей, отличный отъ „челяди“. По словамъ Карамзина, въ другихъ лѣтописяхъ, вмѣсто *чагъ*, стоитъ: „женами“, откуда онъ заключилъ, что *чаги* Слова о полку Игоревѣ суть „плѣнницы, жены варваровъ“ (И. Г. Р., Т. II, прим. 420, по вт. изд.). Не знаю, насколько вѣрно толкованіе Карамзина, которое, въ виду растительной *чаги*, нуждается въ подтвержденіи его болѣе сильнымъ аргументомъ, чѣмъ указаніе: „другія лѣтописи“, конечно, далеко не столь древнія, какъ Ипатьевская лѣтопись.

3) Къ слову *кощей* (на стр. 22—23). Въ 1170 году, *кощѣй* нѣкоего Гаврилка Иславича извѣстилъ Половцовъ о предпринятомъ на нихъ русскими князьями походѣ, слѣдовательно, тутъ кощей выставляется какъ предатель. Въ то же время „братья вси пожаловаша на Мьстислава, оже утаивъся ихъ пусти наворопъ сѣдельникы своѣ и *кощѣтъ*, ночь заложивъся, отай“ (П. С. Л. II, 98); отсюда можно заключить, что кощеи употреблялись для исполненія порученій. По мнѣнію Карамзина, *кощеи* — младшіе княжескіе отроки (И. Г. Р., Т. II, пр. 420), что, конечно, ошибочно.

4) Къ примѣч. 39, стр. 56. Слово *блъванъ*, иногда *блованъ*, памятники употребляютъ не всегда въ точномъ значеніи „болвана“. Въ

рукописи XII—XIII в. между прочимъ говорится: „вьсе на блаванѣхъ пр҃рчстѣхъ написано есть“ = εν ςήλαις προφητικαῖς = на столбцахъ (Опис. Слав. Рук. М. С. Б. № 114, стр. 56). Здѣсь *блаванъ* означаетъ свитокъ, хартію, пророческія книги. Въ виду этого можно бы, кажется, заключить, что „тьмутороканьскый блъванъ“ былъ нѣчто подобное языческому прорицалищу, которому дивъ, лѣсной духъ (воплощенный въ видѣ филина) сообщаетъ о походѣ Игоря, имѣвшаго намѣреніе „поискати града Тмутороканя“, своего наслѣдія отъ предковъ. Впрочемъ въ тмутороканскомъ *блъванъ* едва ли подразумѣвался истуканъ, кумиръ, идолъ, а въ переносномъ смыслѣ половецкій ханъ, потому что въ древнихъ рукописяхъ, сколько я примѣтилъ, *блъванъ* значитъ собственно столбъ, а истуканъ называется „капью“, „капищемъ“. Да и въ просторѣчіи у насъ болванъ и пень — синонимы.

5) Къ слову *Бусъ* (стр. 61 примѣч. 72 и стр. 63 пр. 79). Въ камчатскомъ нарѣчіи слово *бусъ* значитъ самый мелкій, едва примѣтный дождичекъ, иногда весьма продолжительный. *Бусить* значитъ — идетъ мелкій дождь при постоянно пасмурной погодѣ. — *Бусая* кошка, у которой шерсть бусаго, дымчатаго цвѣта (Москвитянинъ, 1842 г., кн. III, стр. 238). Отсюда видно, что словомъ *бусъ* обозначается нѣкоторое подобіе туману, дыму. Выраженіе: „бусови врани“, видимо, означаетъ: „бусыя вороны“, изъ чего, по переносѣ этого выраженія на „Бусово время“, происходитъ игра словъ. Сопоставляя камчатскій смыслъ слова *бусъ* съ костромскимъ, я вижу, что въ примѣненіи къ человѣку пьяному оно означаетъ глаза, потерявшіе свою ясность отъ винныхъ паровъ. Отсюда пьяные глаза называются „туски“, т. е. тусклыя.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь К. Ломиковскій.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)